

Илай Колесников

«Ни свет Ни
зоря»

приключения
2021

12+

Илай Колесников

Ни свет ни заря

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64620887

SelfPub; 2021

Аннотация

Она была красивой. Как рано поутру зимой бывает, вдруг засветит в окно белый призрак метели, так и она каждый раз появлялась неожиданно, ни свет ни заря и поражала всех своей красотой. В детстве её хотели назвать то ли Ирочкой, то ли Машенькой, но так и не определились точно с названием. Врач же, главный по роддому, проходя мимо, вдруг сказал: «Ой, а кто это такой тут у нас ни свет ни заря-я??». Вот у главной героини и появилось имя. Она любила сидеть у своего окна, наблюдая за тем, как сотни маленьких-премаленьких людишек снуют туда-сюда у подножия Эйфелевой башни. Она любила смотреть за ними и придумывать им разные истории. «Ни свет ни заря» о главных жизненных ценностях, таких как семья, доброта, смирение, работа над собой и вера в лучшее. А ещё о роли социальных сетей в нашей жизни:)

Илай Колесников

Ни свет ни заря

Глава 1

Она была красивой. Как рано по утрам, зимой, бывает, вдруг засветит в окно белый призрак метели, так и она каждый раз появлялась неожиданно, ни свет ни заря, и поражала всех своей красотой. В детстве её хотели назвать то ли Ирочкой, то ли Машенькой, но так и не определились точно с названием. Врач же, главный по роддому, проходя мимо, вдруг сказал: «ОЙ, а кто это такой тут у нас, ни свет ни заря-я??». Вот у главной героини и появилось имя. Она любила сидеть у своего окна, наблюдая за тем, как сотни маленьких-премаленьких людишек снуют туда-сюда у подножия Эйфелевой башни. Она любила смотреть за ними и придумывать им разные истории. Ну, к примеру:

Однозначно этот маленький человечек в красном полушубке и с мешком за плечами-непризнанный Дед Мороз. Пожалуй, он прибыл сюда, во Францию, из Италии, где был признан самым успешным и высокооплачиваемым Дедом Морозом города. Пожалуй, идя во-он там, где-то под огнями Эйфелевой башни, он видит её наконецник и понимает

свою финальную цель: поиск новой мечты. Пожалуй та, Итальянская мечта, обратилась в пух и прах, а возможно, просто была достигнута и закончена. Пожалуй там, в Италии, наш Дед Мороз работал не просто так, а уж, наверное, на что-то копил. А лучшим стал потому, что ему искренне по душе пришлась работа. Пожалуй, там, в Италии, он копил на свою новенькую яхту, желая поскорее её заполучить и уплыть на ней куда-нибудь далеко-далеко.. Да, скажем, в Аргентину. Ну, а чего мелочится? Так значит, наш Дед Мороз, назовем его Луисиан, (а то какой это Дед Мороз без имени?), копил себе, копил на яхту до Аргентины. Но для чего же он это делал? Ну, делал он это для того, чтобы приплыть в Аргентину и стать пастухом знаменитых аргентинских коров и бычков, ходить вокруг них и петь песенки.

– Для чего ему тогда яхта?

–Сей-час!

Так вот, яхта ему нужна для того, чтобы при случае, если за ним вдруг начнет гнаться какой-нибудь разозлившийся, подвыпивший буйвол, ой, то есть, конечно, начальник буйволов, он не растерялся и не вскричал: «Помогите, люди добрые, кто чем может, хлебом-солью или монетой!», а лишь прыгнул в воздухе раз, второй, высунул набекрень свой язык, да прыг-скок в лодочку и уплыл восвояси. Но заработал ли наш Итальянский Дед Мороз на свою вожеленную яхту (Раз

уж мы начали про него говорить)? Да, дорогие друзья, заработал, больше того, у него ещё оставалась пара монет, чтобы, сидя на своей новенькой, новехонькой яхте, купить у проходящего мимо торговца булочку и кофе, и после вкусить их, глядя на всю земную суету и считая, что всего в своей жизни уже добился. Доехал ли он, Луисиан, в таком случае до Аргентины? И это правильно, и это вы верно догадались, дорогие друзья. Доехал, даже не поперхнулся, и в первый же день по приезде туда сумел поругаться с начальником, но так, что его не выгнали с острова, а напротив, избрали новым начальником коров и буйволов, а старого-то как раз отправили во свояси, причем тот был настолько глуп, что не имел с собой лодки. Так, стоп, погодите, у меня убежал чайник!

Ну так вот. Но почему же тогда, если у него всё хорошо там, в Аргентине, вместе с буйволами, Луисиан попал сейчас во Францию и вроде бы не выглядит уж сильно и шибко счастливым? А дело было вот как, дорогие друзья, и вам я настоятельно рекомендую его послушать: о деле, послушать.

Как-то раз, выходя очередным утром из своего ранчо, по прошествии уже месяца с момента своего прибытия на Остров, (а он пас коров не на самом материке, а на острове неподалеку, ведь там больше платят и меньше коров), Луисиан стал вдруг очень сильно дивиться красоте аргентинского восхода. И правда, между прочим, у Луисиана был доволь-

но-таки неплохой вкус, и в детстве он даже рисовал картины, а в молодости писал стихи, всё свое свремя до того момента, как стал лучшим итальянским Дедом Морозом по вызову. А восход был, значит, вот какой: если бы вы летом вдруг накопили этак десять тысяч таких монет, которые водятся в вашей стране в обороте, в полнолуние в полночь вылезли в окно своего дома на веревке или вертолете (в зависимости от высоты вашего дома или этажа) а после купили на вокзале билет на поезд до Москвы, где (в Москве) проехали бы чуть-чуть, этак с триста километров прямиком до моей дачи, а после (последний шаг) переместились бы во времени на четвертое августа две тысячи двадцатого года, то увидели бы именно такой восход. Впрочем, чего это я? Можно было сказать и проще! Восход, ну, значит, ему было десять-одиннадцать лет от роду! Опять, пожалуй, не то... В общем, когда Луисиан увидел довольно красивый для его чувства юмора и пиджака восход, он сказал по Аргентински: «Эх-ма!» Это и было началом столь неожиданной истории, которой подивился бы даже аргентинский морской тюлень, хоть аргентинские морские тюлени и не умеют толком дивиться. Впрочем, всё это так не важно! Важно же нам лишь то, что Луисиан увидел настоящий аргентинский восход, и был счастлив, так счастлив, что прямо-таки захотел стать фотографом от испуга.

Неожиданный поворот событий, неправда ли? Что ж, Лу-

исиан, как и всякий Лучший Дед Мороз по вызову в отставке, очень, ну прямо о-очень любил неожиданные повороты событий. А потому в этот день у Луисиана состоялся довольно интересный и любопытный (всё к вашим услугам, Луисиан!) разговор, в котором обсуждалось: «Действительно ли можно этак взять и полететь на Луну человеку неподготовленному, а впрочем, зачем обязательно на Луну, можно ведь для начала и в Коста-Рику!" Эта мысль осенила Луисиана, как поток весеннего грома. Что ж, так и договорились. Они с подвыпившим начальником аргентинских буйволов сию же минуту, побросав почему-то всех своих буйволов на произвол судьбы, отправились на Аргентинский рынок-покупать себе старенький-престаренький фургончик. Такой, знаете, которые обычно снимают в романтических фильмах, где обязательно нужно пустить слезинку и где молодая пара едет куда-то на юг. Часто-в Бразилии. Что ж, иногда и в Аргентине, поэтому друзьям удалось его себе купить за достаточно символическую сумму. Уже к вечеру был найден покупатель той самой лодочки, на которой прибыл сюда Луисиан, а впрочем, что же это я такое несу! А на чем, с вашего позволения, Луисисан поедет обратно домо-ой? В общем, в самый последний момент он дело по продаже своей лодочки свернул, оставив покупателя со значительной для Аргентины суммой на руках и, больше того, прямо на его глазах, чуть разозлившись, сел в свою же собственную лодку и уехал. Да... И зачем только покупали фургон? Но, сделав

круг, вернулся на прежнее место, только вот покупателя на том месте уже не было. И славно. Оказывается, Луисиан ездил делать пробный кадр на свой фотоаппарат (не зря же он захотел стать фотографом? А все фотографии без исключения-довольно странные люди. Это я вам говорю наверняка, я ведь и сам фотограф:)), и кадр его получился довольно успешен. Что ж, ведь у него все получается довольно успешно, недаром же он-главный Дед Мороз, хоть и в отставке. Ну и что? Отставка, да это ведь с каждым бывает. Что вообще такое-эта ваша отставка? Это лишь звание, данное всем тем, кто был не в пример лучшим в своей профессии и понял, что надо двигаться дальше. Тем более, что Луисиан-то как раз уволился со своей профессии сам. В общем, поехали в Коста-Рику. Но мы всё ещё не знаем, как же Луисиан попал во Францию, почему, и где сейчас так им любимая яхта. Ничего-ничего, я вам сейчас всё-превсё отвечу. Яхту они везут сзади своего фургона-нашли платформу на колесиках и сделали там собственноручные леса, на которые и затащили лодку.

Но сейчас почему-то не ехали. Почему? Чинили фургон. И вот ведь все эти проходимцы, не смыслящие ни черта в цене поломанных или близких к тому машин! Ставили бы сразу на такую машину цену повыше-было бы видно, что она поломанная и её уже не следует брать... Но они же, они-настолько глупые и неуверенные в себе, и нет в них ни ка-

пельки еврейского! Ставят цену пониже и думают-ну вот, достойная семья коренных аргентинцев решила достойно попрощаться со своим верным другом, дать ему поработать на пользу другим. Как же! Дали поработать! Ну ничего, зато Луисиан наконец-то узнал, что его отец сейчас живет во Франции.

Вот и развязочка подошла, дорогие друзья, не правда ли? Нет, куда там. Ещё не она, вроде как. Ну да ладно. Отец его, значит, живет во Франции (ведь и работать Дедом Морозом Луисиан пошел только ради того, чтобы ходить по разным домам и, быть может, встретить па-пу. И только потом смог придумать себе идею, цель, попроще и повыполнимее, такую, чтобы и себе не во вред, и делу-глаза у него, конечно, горели сильно). А тут-вот, пока чинил вместе с подвыпившим начальником подумерший карбюратор узнал вдруг, за непринужденным разговором, где его отец. "Но почему отец его ушел от него?",-опять спросите вы. И снова хороший вопрос! Вы как налоговая или, или... А впрочем, что это я! В общем, отец его просто напросто ещё не знал, что у него есть сын, потому что будущая его тогда жена не сообщила ему о подробностях расставания. А он-вот он-то, сидит, спокойно, под своим фургончиком где-то в глубине Аргентины, или уже Бразилии, чинит карбюратор, в то время как из переднего кармана его рубашечки выпадает паспорт с цифрой двадцать пять в графе возраста. Что ж, но почему тогда на-

чальник подвыпивших буйволов знает о его отце? Счастли-
вое совпадение случайностей? У вас тут, что, сказка? Да нет
же, нет же, нет! Просто, всё очень просто. Начальник его,
тот, который подвыпивших буйволов, раньше жил во Фран-
ции, в одном провинциальном городке, где был мэр. Мэром
города как раз и являлся отец Луисиана. В общем, до Ко-
ста-Рики доехали без проблем, там и распрощались. Луиси-
ан подарил начальнику на память свой фотоаппарат, а на-
чальник Луисиану-ключи от фургончика. Начальник не от-
ступил от своего, ведь он любил управлять животными, и
осел в Коста-Рике, где стал заведующим крокодиловой фер-
мы.) Вот ведь человечисе, а! Бесстрашен! Луисиан же по-
ехал на свой лодочке обратно домой, продав фургон одному
заядлому Коста-Риканцу и тем самым накопив хоть чуточку
денег на бензин. И вот он-то сейчас, во Франции, в Париже,
идет-с... В мантии Деда Мороза, потому что решил вспом-
нить прошлое, чуть взгрустнув, потому что денег на билет
нет, а отец его через пару дней уезжает из своего провинци-
ального города царствовать в какую-то южную французскую
колонию, где, правда, тепло, но нет связи... Вот за этими
размышлениями о человечке у подножии Эйфелевой башни,
который сейчас к тому же уже далеко-далеко ушел, рассвет
и застал Ни свет Ни зарю в окне старинного дома.

Глава 2

Она пошла на кухню и заварила себе вторую порцию отменного Доминиканского кофе. Часы с круассанами, столь прекрасно вписывающиеся в интерьер настоящей французской леди, показывали сейчас всего лишь пятый, ну ладно, шестой час утра. А между тем, по улице давно ходили Деда Морозы... Или нашей героине всё же привиделось? О чем она думала, сидя в столь праздничное время у своего окна? Что тревожило душу той, у которой, казалось, есть всё? Чего не хватало женщине в самом рассвете сил, одинокой, но имеющей квартиру с балконом прямо перед станом Эйфелевой башни? Да ещё и на шестом этаже... Из всех восьми возможных. Что ж, это, скорее, вопрос риторический, и мне думается, можно даже не выделять курсивом слово «одинокой» пару предложений назад. Или, всё же, стоит? Да ну, зачем? Она пошла и заварила себе настоящий Доминиканский кофе... Села за барную стойку, достала из морозильника целое блюдо спелой земляники, и была такова-начала перемешивать кофе с ягодами. Она оказалась русской, ей было (ни за что не догадаетесь, сколько) двадцать пять лет. Она родилась в Иркутске, в семье одного советского военного, и, конечно, как и подобало, всё детство провела в военном городке. Это был хороший зачин, чтобы провести весь свой остаток жизни во Франции, не так ли? Ни свет Ни заря сидела сейчас, перебирая чуть погрубевшими от жизни и холода пальцами свежую землянику. Она вспоминала о времени своей молодости. В воздухе этой парижской кухни желтым наве-

сом лета в темную зиму покато распластался вопрос: «Где лучше?-Здесь, во Франции, не имея рядом ни единой души и ни единой искорки, ради которой хотелось бы рвать и метать всё на свете, или там, в дестве, в молодости, где рядом были мама, папа, сестра, много-много друзей и планов на будущее, спелой земляникой кормили наотвал, столько её было много, но не было лишь одного-Парижа?..» Попивая настоящий Доминиканский кофе, любуясь временами в зеркало на свой отменно подобранный и сшитый модный наряд, Ни свет Ни зря начинала понимать, что не всё то золото, что блестит, и не везде есть ответ, где протягивают, как подольские электрики провода-вопросы. Да... Думала ли она когда-то, что будет встречать Новый Год вот так, совершенно одна, но в модных одеждах и новой квартире, словно кокос где-то на берегах тропического солнца, который забыли или не успели собрать под конец сезона, и что теперь остался один на один со всеми этими пальмами, перед которыми хотел покрасоваться.. И которые (кокос понял это только сейчас) ни единым веком не взглянули и не взглянут на его красоту и наполненность. У Ни свет Ни зря была двухкомнатная квартира, первая комната полностью отдавалась под настроение: зимой там витали снежинки, статуи благородных оленей или станы тысячи тысяч елочек, летом-соответственно бабокчи и букеты, буквально оранжереи различных пальм и цветов, осенью-гербарии и корзинки с плодами яблок, каштанов, медом... Во второй же Ни свет Ни зря спала, но там было не

менее уютно: к примеру-имелся очень удобный балкончик с плетеными креслами, где летом можно было бы до утра сидеть и читать романы под светом фонаря, одиноко и величаво стоящего в тишине улицы, зимой же-наблюдать как раз за такими вот Дедами Морозами, грозясь самой себе заледенеть в своих тонких одеждах, но наплевав на эти угрозы и медленно попивая кофеек. Была и кухня.

Но за окном светало, и Ни свет Ни заря не могла больше сидеть, хоть и в своих модных одеждах, на одном месте, к тому же, банка с настоящим Доминиканским кофе начинала подходить к концу. Ни свет Ни заря стала собираться в магазин, ведь, она всегда любила чуть-чуть, совсем немного (этак с пять-шесть часов) погулять, побродить по заснеженным улицам Парижа. Ну, сказано-сделано! По быстренькому надел на себя разные утеплители: ботинки с шерстью медузы, крокодилий шарф, и, ... ОЙ! Меня елка ужалила! Так, ладно, в общем, по быстрому одев на себя всё-всё-всё, Ни свет Ни заря стала выходить на улицу. И пусть её подъезд не представлял собой чего-то необычного, девушка, всегда склонная к романтизму и всяческому преукрашению действительности (вспомнить только Деда Мороза) нередко баловалась представлениями, что в её подъезде живет некто гениальный, и прямо сейчас он поменяет ей всю её жизнь. Того не случилось ещё никогда, не случилось и в этот раз, но зато, приоткрывая подъездную дверь еле-еле, через силу,

ведь дул до сих пор тот ненастный чуть липкий ветер, что заставил-таки её покинуть балкон, она столкнулась с одним молодым человеком.

-Ай!

-И-и-и-извините!

Конечно, дорогие читатели, невозможно бы было и представить всего пару минут назад, что наша замечательная героиня столкнется с не менее замечательным героем-Дедом Морозом, причем произойдет это прямо в её подъезде, когда она по непредвиденным обстоятельствам решится выйти за банкой кофе, неправда ли?:) Вы что, действительно думаете, что я настолько наивный?? Ну конечно, наша героиня встретила с Дедом Морозом, ведь это было утро первого января, но кто, кто, вы мне скажите на милость, вам сказал, что это был тот самый Дед Мороз, которого она представляла? И почему вообще она должна была представлять, сидя в своем окне, там, на шестом этаже ночью, именно Деда Мороза, а, например, не пожарного? Одиноким женщинам, осмелюсь предположить я, нравятся brave парижские пожарные.. Так значит, у неё был какой-то отдельный, определенный повод для того, чтобы представлять Деда Мороза. Так значит, тот Дед Мороз, с которым она теперь столкнулась-не просто, а какой-то особенный. А значит он-кто? Правильно! Он-её горячо любимый бра-атец, которого она так ждала к себе на

новый год во Францию, но что не смог приехать вроде как по семейным обстоятельствам. Но вот-он здесь, снимает с себя сначала санта-клаусовский колпак с помпончиком, потом-аккуратно приклеенную к настоящей ватную бороду, и Ни свет Ни заря, постепенно приходя то в несоизмеримое удивление, то в ужас, оттого, что ей всё мерещится, начинает чудесным образом оживать. Конечно, между родными происходит щепетильный разговор, а там и слезы, и обнимания, и поцелуи, и крики.. Конечно, на весь этот шум из квартиры на первом этаже выходит чуть заспанная старушка, и начинает на чистом французском объяснять, что если они не закончат шуметь сейчас же, то будет вызван наряд полиции.. Конечно, когда родные начинают между собой перешептываться, безусловно на чистом, немного матерном русском, старушка вдруг понимает, что перед ней сейчас её сограждане.. Конечно, в итоге они все, где-то в семь часов утра, потратив больше часа на разборки, заходят к старушке в гости, чтобы попробовать её новый торт, который, по её словам, состоит из заварного крема, пюре манго, мяты и смеси ягод и, конечно, между ними тремя заводится непринужденная беседа.. Ах, как мне это всё знакомо! Как будто я каждый раз встречаю такие семейные, и не совсем семейные сцены и драмы в подъездах своих домов! Как будто я и сам живу постоянно во Франции и покупаю жареные каштаны и желуди у продавцов каждый день во время своих утренних прогулок. Ах, как мне это всё знакомо, как будто крокодилий шарф, как будто

зимние ботинки из меха медузы! Конечно, тортом дело не закончилось, больше того-на им оно только началось, и брат Ни свет Ни зари, будем звать его Женя, не зная, да и не думая особенно, как выкручиваться из этого положения, сняв свою обувь, чтобы не пачкать стол, залез на него и стал дарить Ни свет Ни заре подарок: «Новогоднюю путевку вникуда, или туда-туда, куда ты только ни пожелаешь, а ещё один билет на круиз до Антарктиды...» Ни свет Ни заря так давно ждала этого подарка, при условии, что, это была её единственная мечта, что начала, хоть и наигранно, но романтичному человеку сложно сразу переключаться на какие бы то ни было стремительные вещи, визжать, да так, что старушка, приютившая их, хоть и смирилась понемногу с ненормальностью, но всё равно снова схватилась за подол платья так, будто хотела идти и вызывать полицию. Воздух зашелестел. Дело в том, что по телу Жени вдруг пробежала именно та дрожь, которая нередко пробегает по телу человека, который либо с чем-то очень сильно угадал, либо которому в чем-то очень сильно повезло, и теперь он вдвойне, как бы за двоих, за себя, и за того, кого он шокировал своей интуицией или удачей, радуется жизни. То шелестел воздух. Что же все-таки до старушки, то она, наконец смирясь с тем, что если не она, то её соседи сегодня непременно вызовут наряд, а, впрочем, ну и что-и не с таким раньше справлялись трое русских, совсем раскраснелась и помолодела, и начала вовсе рассказывать истории своего детства. Новогодняя ночь-ночь

чудес, а потому Ни свет Ни заря и Женя сразу почувствовали себя маленькими ребеночками, и настроение у них стало сразу, как у героев строчек поэта Есенина: «Ну а нам какое дело? Говори, да говори!». И старушка говори-ила! Она, как и подобает женщине в возрасте, вела свою речь совершенно непринуждённо, со сзанием дела, притом довольно интересно, как хороший учитель, который находится в самом расцвете своих творческих сил. Это были не просто сказки, или, упаси Боже, не просто воспоминания о безвозвратной юности и целая котомка неизвестных наставлений, а воспоминания дельные, и мысли умные, заключавшие в себе почти что целую притчу, заворачивающуюся в единое целое лишь после долгих логических рассуждений, как снег в февральскую поземку.. Старушка говорила:

Но мне, конечно, дети, не отгадать истинного предназначения той небывалой истории, хотя, почему, собственно говоря-небывалой? Я что, никогда не видела, до чего вместе с прогрессом может прийти и человеческий разум? Человеческий язык? Да, и ведь, конечно, за долгие годы жизни я насмотрелась, и видела и не такие чудеса, но именно та ночь, именно то расположение звезд, и, быть может, судеб, привело меня к такому суждению.. Ну, вы только представьте сами, Советский Союз, везде поля, реки, рощи, озера, город Горький, 1965 год... Лето. По моему, это был июнь, хотя, вполне может быть, что дело уже переходило близко к июлю, но скорее

всего, это и вовсе было что-то сежду самым жарким и самым первым месяцем лета... И вот-ночь, звезды, нивы, поля.. В воздухе невероятно тепло и как будто летают мотыльки, или падают звезды.. Я стою на возвышенности, совсем молодая, жду своего возлюбленного для свидания, которое он назначил мне именно здесь, именно там, и везде-езде, в три часа ночи, и обещал, что покажет всё-всё; если я захочу-мы с ним сбежим на море.. И вот, где-то там, далеко-далеко, близ деревни пасутся коровы, сидит пастух и чиркает своей зажигалкой, как будто играя с ночью в моргай-не моргай.. И тишина! Тихо так, что будь я не Любовью Сергеевной, а какой-нибудь модной советской поэтессой, я бы прославилась, непременно прославилась, только напиши я об этой тишине стих.. Было тихо так, что я слышала, как вдалеке журчала Волга, как плакались в ней осетры и караси, как в лесу потерявшийся трактор тихо скорбел над финальной целью своего немого существования.. Было тихо так, что я начала петь свою песню. То была песня чистой любви, и она успокоила даже трактор, так, что он завелся и загудел, а я же, наконец заметив своего возлюбленного, стала испытывать примерно то же, что испытывал сейчас Женя, угадав с подарком тебе, Ни свет Ни заря. И мораль сей притчи такова, что если тебе будет плохо, или же если ты поймешь, что ты устал и ничего не дается, лишь немного погуляй и подожди, ведь в ожидании сила, выйди и посмотри на звезды если не настоящего, то своего, внутреннего неба. Чуть погода, к тебе вер-

нется сила твоего счастья. Вот как ты сегодня, Ни свет Ни заря, шла за Доминиканским кофе и грустила, ты ведь, простым языком, просто ждала, хоть и сама того не подозревая. Ты и дождалась, и со дня на день вы с Женей поедете в Антарктиду.. Так и ты, Женя, ехал сюда, к сестре, и совершенно не знал, как она тебя встретит, но ты ехал, ехал и ждал, и вот-дождался, и утро первого января ни для кого из нас не могло бы сложиться лучше. Но не сложишься, я допускаю это, не сложишься оно так сегодня, сложилось бы завтра, или послезавтра, или сложилось уже вчера, но в этом и есть секрет жизни-ждать, жить и ждать, и стараться видеть во всем прекрасное. Ведь в том и дело, что я со своим женихом так никуда и не поехала, более того, мы с ними даже не поженились и всё пошло не по плану, но в тот день я отчетливо поняла, как важно ждать, и моя жизнь больше никогда не теряла смысл..

Пирог у старушки получился очень вкусным, и родные просидели чуть ли не до обеда, до полдня, за её столом.

Глава 3

Женя, как и Ни свет Ни заря, по приезде в Париж поначалу очень удивился: «Как можно жить здесь, да ещё и напротив Эйфелевой башни, и быть чем-то недовольным?» И правда-поначалу всем кажется так. Но жизнь трудна, она

сложна, как узор человеческого днк, начала всех начал, и её столь же сложно правильно выучить. И жизнь, как и человеческий днк, притом очень, очень увертлива, ведь не зря же именно ей выпало право быть началом. А потому, хоть одним кажется, что жизнь в Париже-мята, а другим, что жизнь в Париже-соль, жизнь в Париже на самом деле может быть достаточно вкусным пирогом. В котором, разумеется, используется и соль для выпечки, и мята для украшений. Но дело лишь в том, что нужно постараться и отыскать такую духовку, в которой пропечется этот пирог. Но, всё же, Женя по приезду в Париж до сих пор не до конца понимал, глядя на затемненные французским снегом лица жителей города, как можно жить здесь и не радоваться.. Впрочем, такое состояние характерно для многих, в том числе, и для людей, которые живут в глубинке, и из глубинки приезжают в Москву, удивляются: как москвичи не замечают такого великолепия? Как москвичи при том могут быть настолько злыми, вечно куда-то торопящимися и чего-то неуспевающими? А между тем, это вполне соответствует мирским законам и, больше того, это может быть так и только так. Ведь сущность человеческого существа-развиваться, и москвичи, видя меж собой столь много всяческих нагромождений, при этом сравнивая их красоту с тем, что в действительности происходит в жизни, как-то постепенно берут и обесценивают красоту. Москвичи забывают, что то, что они здесь-есть великая заслуга если не их самих в прошлом, то точно-их предков. А пото-

му следует выйти из режима постоянного фокуса на чем-то большем, и просто порадоваться жизни и сохранить то, что у тебя есть. Но большинство москвичей к сожалению не ценит всё это. Потому и развалился Советский Союз, что, уж правительством ли, уж его ли граждане или просто обстоятельства в космосе так сложились, что все разом и вместе вдруг перестали продолжать работать над своей идеей. А скорее всего потому, что идея-не фольклор, и её нужно постоянно записывать. Но идея в то время передавалась лишь из рук руки, из уст в уста, как что-то само собой разумеющееся, а потому настоящий посыл идеи мог видеть только Ленин и, пожалуй, остальные члены его партии. Так продолжайте же делать, о дорогие москвичи, и не отступайте от своих прежних дел. Продолжайте строить Москву, а если вам нужно что-то большее-так стройте всё, что находится там, за Москвой, и что действительно следует строить.

Женя по приезде в Париж стал мечтать лишь об одной вещи. О, он и не думал поселиться там. Женя лишь хотел покататься на кораблике по реке-Сене, а после, отправившись в путешествие с Ни свет Ни зарей, обогнув Африку, или, быть может, мыс Горн, вернувшись обратно в Париж, отправиться к себе домой. Он представлял, как сядет, измученный, подзагоревший, возмужавший и с тем особенным блеском в глазах на поезд до Амстердама, откуда на автобусе поедет до Москвы. Он представлял, как измученный, но полный при-

ключений и счастья, вернется в свой родной Иркутск, продолжит работать таксистом, беспермерно радуясь жизни и катаясь по выходным с друзьями, порыбачить-на Байкал, на лето будет приезжать погостить к родителям на дачу, и, быть может, жизнь приподнесет ему ещё не один счастливый лотерейный билет, на который он и купил сестре путевку. Посмотрим, суждено ли сбыться планам Жени насчет своего, да и сестринского будущего? Но пока же он собирается просто-напросто по-гу-лять.

Перейдем к Дионисию. Если кто забыл, это тот самый друг Луисиана, начальник подвыпивших буйволов, выдуманных разыгравшимся от полночного вина воображением Ни свет Ни зари. Как же он теперь там, без денег, без друга, начнет обустраивать свою жизнь? Да и как он найдет теперь Луисиана, забывшего свой талисман, бронзовую пчелу, в кармане его пиджака? Да и станет ли он его вообще искать? А между тем Дионисий знает, он своими глазами видел, как меняет талисман этого человека. В общем-то, машина у них и сломалась возможно только потому, что Луисиан потерял золотую пчёлку.. Но он нашел талисман после, когда пешком вернулись почти за версту от места остановки. Найдя его, ребята сразу починили свой тарантас. Поскольку Дионисий был очень щепетильным аргентинцем, он понимал, что с таким суеверным человеком, как его бывший подопечный, как только он узнает, что талисман не у него, что-нибудь, да

случится. В общем, Дионисий никак не сможет оставить его одного, без талисмана, а потому, как только закинет свои вещи в старую рыбацкую лачугу одного знакомого деда, сразу пойдет на поиски денег, чтобы помочь Луисиану. По крайней мере один вопрос мы с вами сумели решить, друзья.

Ну а пока перейдем к Луисиану. Тем более, что не зная его координат, Дионисий вряд ли сможет настигнуть своего товарища, хоть бы в какой близкой лачуге тот ни находился. А, между прочим, это идея! Быть может, Луисиан, сам того не замечая, решил пока что не отплывать от местного Коста-Риканского берега, а чуть-чуть обождал, ну, скажем, чтобы не выходить в море ночью? В конце-концов потому, что Ни свет Ни заря встретила Женьку. Вместо того, чтобы придумывать дальше продолжение истории по дороге за Доминиканским кофе, она решила усыпить Луисиана. Больше того, Ни свет Ни заря, похоже, забыла, что уже отправила его обратно во Францию искать отца. Что ж, ей это простительно. Ведь и утопающий хватается за соломинку, а именно такой соломинкой в ожидании и от скуки служила Ни свет Ни заре игра в воображение. Быть может, ей и вовсе привидился Дед Мороз, потому что она невольно вспомнила своего брата.. А между тем, вот он-то, здесь, он итальянец и ему будет посвящена половина книги! Ну так вот, Луисиан решил обождать, и в это время как раз и заметил пропажу. А потому отправился обратно, к месту, где попрощался с Дионисием,

и, больше того, поселился, оказывается, в соседней от Дионисия хижине. Его приютила хозяйка по имени Луна и Ночи. Правда, она была не совсем общительна и почти сразу же ушла в другую комнату. По моему, она была колдуньей. По крайней мере, в её каморке стоял котел и пахло чем-то кисленьким и немного мятой.. Тем лучше для Луисиана, ведь он вышел на крылечко своей новой гостиной-хижины, и стал, пуская блинчики по воде, непринужденно размышлять.

Глава 4

Ни свет Ни заря и Женя отправились в долгий путь. Вышли, вроде бы, всего лишь после обеда, прошли пешком всю Сену, вдоль и поперёк, посетили и Нотр-Дам, да и вообще, погуляли на славу, разве что не зашли на Эйфелеву башню. Да и то, это потому, что Ни свет Ни заря сказала: «Пфф, из моего окна в сто крат лучше видно!», но, все равно, показавшись по каналам, ощущали какое-то неполное насыщение сегодняшней прогулкой. А потому решили лучше выехать не завтра (и уж тем более не ни свет ни заря:)), а по крайней мере после обеда, или когда решат, как же все-таки быть с той ненасыщенностью, что их посетила. Когда заходили домой, смотреть как раз-таки на Эйфелеву башню, которую Женя хоть и видел не единожды на своем кухонном календарике, да и вообще, во время всей его дороги до Парижа, попадавшуюся ему то на разных рекламных плака-

тах, то как узоры на всяких поездах, то-как светлая память о мечтах молодости, возвышавшихся так же над всей последующей жизнью, как она-эта башня, им в затылок светило повзрослевшее за день Солнце. Если вы вспомните то до непереносимости приятное ощущение в ногах, когда, приехав в другую страну, или лишь увидев свой город с другого ракурса, или работая весь день доставщиком еды по городу, вы гуляли, почти не отдыхая, и вот, наконец-то присели отдохнуть под тяжестью веса своей полной от впечатлений головы, то поймете порыв Ни свет Ни зари и Жени, присевших посмотреть на красный румянец постаревшего солнца прямо под своим окном. Там и впрямь было, на что посмотреть. Пробиваясь своими порыжевшими лучами сквозь поредевшие за зиму ветви каштанов у Эйфелевой башни, Солнце смотрело на путников так, будто только что написало какой-нибудь очень привлекательный, совершенно гениальный стих, и теперь сияло. Ни свет Ни заря достала из своего маленького походного рюкзака серебристый термос, который как бы алел в свет заходящим лучам, алел так, будто это были и вовсе не лучи, а коньки заходящего Солнца, а Солнце-не Солнцем, а каким-нибудь знаменитым фигуристом на детских новогодних соревнованиях, приглашенным туда в качестве почетного зрителя. Из термоса цвета коньков пахло чем-то очень теплым и невесомым, почти даже нелюдимым, возможно, вовсе-паром, но после, когда Женя своей чуть более сильной рукой открыл крышку-горячим мятным чаем

с полей Кавказа, который успели заварить ещё у старушки в гостях.

Порою нам задают вопросы о смысле жизни, порою-мы задаем их, и очень часто это происходит все больше в бегах, наспех, и так же отвечается, к примеру: смысл жизни в ёлке. Живи так, чтобы достигнуть её превеликой мудрости и чтобы все события твоей судьбы складывались этак, свежо, как запах пихты, и после срастались, словно иголки на ветви в зимний мороз. Ну согласитесь, полная ересь. А порою, вот так, попивая чай, глядя на диск заходящего Солнца, ты очень часто можешь просто понять: смысл жизни в том, чтобы чай никогда не заканчивался, а Солнце-не садилось. Женя поделился чаем с Ни свет Ни зарей, и сейчас, глядя на заходящие лучи ледяного Солнца, снова начал задумываться о том, как же хорошо, что его сестре дали именно такое имя. Сказать по секрету, он любил свою сестру хотя бы за то, что она выросла такой необычной личностью. Сказать по секрету, именно за счет неординарности своей сестры Женя чувствовал, что и сам может становится неординарным. Но, как любое счастье не вечно, так и Солнце, конечно, тоже вскоре скрылось за хмурыми тучами времени, оставив закат, да и весь оставшийся день, все оставшиеся свои лучи, что были пущены туда, вниз к Земле, но ещё не достигли её основания на съеденье звезд, Луне и ночи. Так и чай кончился после вступления в свои владения мороза, снега, вечера и жажды

у обоих родных. Впрочем, это их не сильно огорчило, скорее-даже вовсе не огорчило, потому что конец одного, ведь это лишь повод, чтобы начать что-то другое, новое. Например, конец чая-лишь повод для того, чтобы заварить новый, другой чай, который (воля ваша) может оказаться во сто крат вкуснее прежнего, как оказалась во сто крат Эйфелева башня красивее с балкона Ни свет ни зари, чем с её собственного балкона.

Окончание действия какого-либо вашего жизненного цикла, безусловно, несет в себе капельку разочарования. Но чем больше это разочарование, тем больше возрастают ваши возможности изменить свое будущее. Сделать так, чтобы следующий ваш жизненный цикл был вообще гениален по сравнению с вашим прежним и несостоявшимся! Ведь, представьте себе, сколько всего приходит на ум и в душу, если вы попросту (случилось так) не сумели встать с кровати вовремя с неделю подряд? А если с две? Ведь каким же сильным должно быть ваше возмущение в том случае, если вы уже неделю или две не можете побороть самого себя? А если ваше возмущение действительно сильно и искренне, должно произойти что-то, должно вам на ум прийти что-то, что произведет действительно сильные перемены и даст вам какой-то небывалый толчок, какую-то небывалую порцию гениальности! К примеру вы избавитесь именно от той вредной привычки ли, или душевной болезни, которая вам меша-

ла жить полноценной жизнью, и в итоге научитесь не только вставать вовремя, а еще, к тому же, слушать людей и понимать их так, как не умеет это делать никто на свете! Главное лишь-продолжайте делать. Потому, ведь если вы не станете продолжать, как же вы сможете терзать себя мыслью, что делаете всё, но почему-то всё ещё ничего не выходит? Вы будете терзать себя скорее за то, что ничего не делаете, и в итоге конечно научитесь делать это всё, но уже с большей затратой времени. Установка на работу-вот что человек может спокойно заставить себя делать сам, используя только самовнушение.

Снова сидя на своем маленьком и уже столь полюбившемся ей балкончике, Ни свет Ни заря задавала, пожалуй, один только вопрос. Будто бы в бездну ветра, в это похолодевшее время, по прошествии всего двух или трех часов со времени заката: «И, всё-таки, как мне жить?» Но ни большая медведица, столь неожиданно появившаяся на и без того звездном зимнем небе, по соседству с поясом Ориона, ни молодая Венера, не смогли или не стали отвечать ей на этот вопрос. А между тем Женя уже лег спать, да и она тоже ложилась, но в итоге не легла, а напротив-вышла на столь полюбившееся ей место, пожалуй-единственное, которое могло ещё радовать её в Париже, и решила повторить ту сказочную, терзающую её, но в то же время приятную ей ночь дум, полную погружений в себя и светлой грусти. К тому же, действительно-во-

прос, на который она спрашивала ответ у звезд ли, или у ин-
девеющих пасмурных сумерек, прозвучи он хоть где-то ря-
дом, хоть и не в самом Париже, а, например, в Страсбурге,
или где нибудь там, в окрестностях, она бы не таясь пошла
бы в эти окрестности, почти голой, в одной ночной сорочке,
пошитой так же модно и хорошо, как узор зимнего звездно-
го неба. Я думаю и все мы, голые, в ночных сорочках гото-
вы были бы побежать за этим ответом, как за кладом, упав-
шим столь неожиданно, как рождественское чудо вместе со
снегом, и где-то там, в снегу, ползать, как последние хулига-
нистые дети, ища ответ, как иголку в стогу сена и радуясь
хотя бы тому, что есть снег. Но ответа всё ещё нет, снег всё
ещё не падает над лбом словно тоже погрузневшей париж-
ской ночи, а те, кому всё же повезло, кто когда-то всё же на-
шли ответ на этот вопрос, уже давно и сами, как иголки от-
ветов в снегу, спрятались где-то глубоко в лоне земли, под
семью одеялами, или работают сейчас до сих пор над собой
в укромном месте, быть может, вовсе в какой-нибудь обни-
щалою деревушке, что нигде-нигде нам, ищущим, их уже не
найти. А значит приходится и дальше сидеть в сорочках, как
бы показывая судьбе и жизни, что готовы бежать прямо вот
так, почти голыми. Но почему-то мы всё ещё не подходим
под критерии тех, кто в действительности заслуживает полу-
чить эти ответы. От того Ни свет Ни заре не легче, и она, по-
пивая очередную кружечку доминиканского кофе, продол-
жает нежиться в морозных лучах январского холода. Но, как

мы с вами знаем: кто ищет, тот всегда найдет, вот и Ни свет Ни заря, уже блуждая в своих поисках, но, между прочим продолжая делать, наткнулась на одну интересную мыслишку: «Жить надо, безусловно, в действии, ведь, только смотря вперед, только не думая вовсе о том, как ты катишься, ты научишься кататься на коньках жизни и тебе самому только в таком случае беспремерно понравиться это делать». «Здорово-кликала Ни свет Ни заря, глядя то вниз своего балкона, то на огни башни-но как достичь этого буддистского отречения от внимания к действию?» Вот, пожалуй, один из главных вопросов, который мы с вами, дорогие друзья, будем исследовать на протяжении всей этой книги... Между тем Ни свет Ни заря стала изучать звёздное небо: Большая медведица находилась сейчас удивительно точно над крышей её дома, и озаряла девушку целой моросью новогодних игрушек, салютов, гирлянд. Тогда Ни свет Ни заря решила: проведет проекцию звездного рисунка, как будто тонкой кистью гуаши нарисованного на холсте вселенной на свою жизнь и проложит маршрут плавания до Антарктиды точь в точь этим узором. На Ни свет Ни зарю в этот момент будто сошло озарение:) Она вдруг поняла, что все те невзгоды и все те беды, которые на неё обрушились, в общем-то не очень и важны ни ей, ни тем породистым мадагаскарским тараканам в её голове, которые заводятся у всякой, пусть даже и не совсем порядочной женщины в Париже. Она поняла, что при её нынешнем расположении в мире ей, напротив, следует только радо-

ваться. Она поняла, что если тебе уже нечего менять в жизни, для того, чтобы стать счастливым, или же следует поменять всё, то, скорее всего, для настоящего счастья не следует менять ничего вовсе. Ну, разве что поменять свой взгляд на жизнь. На такой басистой, положительной ноте Ни свет Ни заря продолжила свои ночные приключения, отправляя снова и снова бегающий туда-сюда взгляд в мир грёз и размышлений. На Луне начал дергаться левый кратер...

Глава 5

Луисиан проснулся и был готов продолжать работать. Вообще, эта фраза смогла многому его научить, хотя бы потому, что никогда в жизни ещё он не слышал её чаще, чем сейчас, живя в доме чуть странноватой, но безусловно доброй, щедрой молодой хозяйки. «Продолжай работать-говорила Луна и Ночи своему маленькому сыночку, с которым ещё вчера убежала нянчиться в каморку-продолжай работать, а не то не сможешь получить свой хлеб, и кто тогда будет кормить мамочку-у?» И сын шел и покорно, даже с неким огоньком в глазах продолжал раскрашивать жестяные фигурки. Дело в том, что Луну и Ночи не так давно бросил муж. Да, впрочем, как бросил, он к ней особенно и не прикреплялся, так, небольшой любовный роман, который своим чуть более смелым, чем нужно, воображением, породил на свет ребенка. Когда муж, который вовсе не муж, а так-с бо-

ку бантик, про-хо-димец, узнал, что у его любви будут дети, то сразу же переехал. Но Луна и Ночи была незлопамятной, и это одна из наиболее выдающихся черт бедных, кроме уж совсем погрязших в себе и в жизни людей. Пожалуй, потому, что именно бедные во всей красоте бедности ведали и будут ведать жизнь, и не перестанут видеть, что не деньги-главное мерило человечества. Даже не так: что человек может быть всё ещё тем же человеком, даже в некоторой степени более благородным человеком, даже и без денег, что человек-это и в Африке человек, а деньги-это так, приложение, ради которого следует существовать, чтобы существовать, ведь нужно же иметь всем им какой-либо смысл жизни. Кстати, все бедняки поголовно знают, что никакого смысла жизни не существует, ведь смысл есть лишь некая установка, что принуждает нас легче работать и усерднее жить ради достижения какой-либо цели. В общем-то и всё, и на том можно было бы и покончить. И на том я, пожалуй, и покончу. Ну, всё, конец рассказа. Всем спасибо, мать-отец, а кто слушал-молодец.

Но, хотя-я, подождите-ка.. «Всем спасибо, мать-отец, а кто слушал-молодец»,-говорит и сын Луны и Ночи на сцене маленького коста-риканского театра. Дело в том, что Луна и Ночи вместе со своим шестилетним сыном зарабатывает на жизнь продажей детских ирушек-жестяных баночек, которыми изобильствует каждый океанский прибой, а парал-

тельно выступает на сцене малого детского театра, занимается как бы благотворительностью. Но бывают в Коста-Рике и благотворители, а потому она получает примерно ту же сумму, ну или половину от того здесь, что выходит получить там, на ярмарке. В общем, Луисиан по крайней-мере поучился у Луны и Ночи самой главной жизненной установке: «Продолжай работать». К тому же (Луна и Ночи была сегодня необыкновенно щедра), он получил ещё и главный принцип жизни: "Ничего страшного, что не получилось-бывает! Ты жив сегодня, и, возможно, ты будешь жить ещё и завтра, к тому же, ты точно знаешь, что ты жил и был сыт вчера, а всё остальное, разве повод это для того, чтобы становиться грустным? Как минимум это-то, что делает тебя живым, а все смыслы жизни сводятся в итоге к тому, чтобы быть живым, ведь именно это делает тебя счастливым и именно ради этого стоит для всего-всего стараться. Ну, а если стараешься, но не получается, так и что ж? Ты уже добился того, ради чего старался-ты жив, к тому же, путем своей работы ты можешь это всё ещё и преумножить." Конечно, всего этого своему сыну Луна и Ночи уже не говорила, но, пожалуй, это всё додумал и высосал из пальца сам Луисиан. Что ж, каждый вертится так, как он сам чтёт нужным. В любом случае, он понял, что всегда, абсолютно всегда следует быть позитивным, даже тогда, когда сам толком не знаешь: «Каким быть?» За рассуждениями о позитиве, за установками о жизни и о том, как с ней быть, если уж она есть, Луисиан

провел первую половину дня и всю ту замечательную часть времени, когда цикл жизни только-только начинается, и ты как будто не живешь, а ешь свежий хлеб жизни... Но всё в нашей жизни когда-то заканчивается, так закончилось и это, несоизмеримо радостное событие. Луисиан приступил за работу, и тем самым прогнал с себя ту безусловно хорошую бодрость духа, которая ему попала на зуб во время пребывания в Коста-Рике. Надо было что-то делать, и теперь, как никогда раньше, Луисиан стал четко, стремительно думать над своим положением... В обществе. Ладно-шучу. Не в обществе. Но, в любом случае, Луисиан так и сел, так и продолжил думать о разных вариантах развития событий, глядя на эту чуть тепловатую, чуть зациклившуюся в самой себе реку жизни под названием Мировой океан.

Времени было уже за полдень. Дионисий добрался до аэропорта в Сан-Хосе и купил билеты на два самолёта: сначала до Атланты, а оттуда уже в Париж. Конечно, это ему стоило немалых денег, но Дионисий был сам по себе человек позитивный, всё таки, все они здесь, в Южной Америке такие! Умеют ведь! Вот бы и нам научиться! А потому на деньги не обращал внимания. Дионисий, больше того, думал, что деньги-зло, и как только к нему в руки попадали какие-либо деньги, сразу же старался их потратить. Всё-таки, так спокойнее. Вот и сейчас, получив немного денег после посе-

щения своего банка-огромного деревянного сундука с горстями золотых монеток, лежащих там уже довольно долго, как семейное наследство, он решил, что, раз уж делает благое дело, то нечего и деньгам залеживаться. В общем, спустя пару часов Дионисий должен был бы уже вылетать.

Глядя на целые колонны красных машин такси, выстроившихся так, будто сейчас здесь должен произойти как минимум заезд коста-риканских гонщиков со всего города, Дионисий размышлял о разнообразии, и в то же время-единообразии всех без разбора земных городов, в которых ему случалось находиться. Ну, к примеру-вот эти пальмы. Да, впрочем, и небо, и какое-то старинное белое здание, чем-то похожее на вашингтонский белый дом, и чуть потрескавшийся от жары сухой, светло-серый асфальт, в конце концов, девушки, до которых ещё не добрались скалистые зубы прогресса так, как они добрались до европейских девушек-всё это одновременно и вязалось и не вязалось у Дионисия в голове с тем, что он готовился увидеть на узких и заснеженных улочках Парижа. Он, возможно, из-за жары и оттого, что ничего и не ел толком сегодня, в конце-концов пришел к выводу, что сходство и различие, жизнь и смерть, любовь и ненависть, даже сам Земной шар и всё к нему неотносящееся-это всё равно одно и то же, ну вот как если бы мы стали сравнивать снег и дождь.

В общем, Дионисий потерял свой билет самолет. Да, и ведь вот так бывает, это означает, что и он-далеко не самый везучий человек. Или, быть может, то на него повлияла знаменательная потеря?? Ведь Луисиан потерял не только золотую пчелу, ведь вместе с ней он потерял ещё и уйму золотых приключений, которые могли бы ожидать его впереди, если бы он не поехал во Францию. Впрочем, его ведь тоже можно понять. Больше того, в этой ситуации он поступил как никогда правильно, и вряд ли вообще нужно преребировать советами в чётках голов тех людей, которые делают семейный выбор.

Как бы там ни было, Дионисий всё ещё потреял билет на свой самолет до Атланты... Возможно, тот выпал, когда Дионисий, от не в пример жаркой погоды пошел в туалет умыться и открывал свой походной рюкзак, чтобы спрятать ещё не успевшую нагреться воду. Возможно, билет вытащил какой-нибудь незадачливый и не очень честный коста-риканец. Возможно, билет просто потерялся и Дионисий его ещё успеет найти. Но, знаете, порою человеком начинают управлять настолько сильные чувства, что всё, что будет происходить дальше, даже в ближайшие два часа, просто перестаёт его волновать. Это я называю жизнью. Что ж, по хорошему, так оно и есть. Но вот как бы всегда человеку забывать обо всем на свете и жить только тем фактом, что уследил за бабочкой, которая пару мгновений назад пощекотала его нос?

Дионисий решил: найдется-и хорошо, а не найдется-так и чёрт с ним! Не такой уж он и благородный, чтобы во что бы то ни стало возвращать пчёлку. Скорее всего, место в раю ему вовсе не обеспечено, даже в том случае, если он ещё и есть, этот рай. Другое дело, что Дионисий потратил свои последние деньги, и ему придется в самое ближайшее время найти работу или начать голодать. Но, интересный факт, когда человеку действительно что-то нужно, почти всегда временные рамки кажутся вполне достижимы, очень даже велики, или вовсе не кажутся, а так, маячат где-то на горизонте, как строгий, но вполне реальный факт, как в детстве контрольная по геометрии. Дионисий решил: билет пусть живет своей жизнью, в конечном счете, отрицательный опыт-это всё ещё опыт, как и раненый лев-всё ещё лев, так что лучшим исходом здесь будет ещё пару раз поискать билет в своем рюкзаке, и за это время придумать что-нибудь, что дало бы опыт, который иногда называют опытом на всю жизнь. В общем, до того, как прилетит его самолет, Дионисию надо было бы успеть сделать что-то безбашенное, что, к тому же, научило бы его жить. Дионисий так же решил: за эти два часа (не самое долгое время, скажем прямо), что у него осталось, попробует заработать на самолет, что, если откинуть все составляющие и дать мозгу простое указание: «Заработай-ка мне на билет на самолет, а иначе умрешь», вполне реально. Да и вправду: это же там не купить билет из Москвы в Австралию или Колумбию, тут ведь недалеко, всего лишь

до Атланты, просто взять и как-бы перелететь на небесной маршрутке, так что поездка будет стоить, ну, самое большое, это если на русские деньги-тысяч пять. У Дионисия как-то сразу, уж не знаю, от жары ли, так по-разному влияющей на людей (говорят, египтяне построили пирамиды именно потому, что было жарко. Ну, как бы именно их мозг, потому что на жаре, стал способен на такую мысль), или от немного солоноватой воды, текущей в коста-риканских трубопроводах, созрел план, как он может заработать за это время денег, если не на новый билет на самолет, то хотя бы на дорогу обратно. Всё дело в том, что Дионисий заметил парочку кокосовых деревьев при подъезде к аэропорту, ещё где-то там, за пару километров. В принципе, добраться до них ему, натренированному годами в забегах за коровами и всяким прочим скотом, что живет на аргентинских фермах, было нетрудно-минуты три или четыре. А там можно продавать их горами, сколько только сможешь унести, расщедревшимися от жары туристам. Что ж, сказано-сделано, и вот Дионисий, немного клубясь, впрочем, как и карибское Солнце, ускорился сквозь чуть испаряющийся асфальт.

Глава 6

До кокосвых пальм добрался и вправду быстро, впрочем, зато долго на них залезал.. По пути встретил ещё одного такого же весельчака, который зачем-то наловил уснувших ба-

бочек и теперь нёс продавать их. У этого весельчака был скутер. Дионисий, пользуясь своим красноречием, полученным ещё в молодости от французской мамы, сумел договориться, что задаром покупает корзинку, висящую на этом скутере, а взамен не говорит полиции ни о чем, что хоть как-то связано с контрабандой бабочек.. В общем, он набрал себе много-много кокосов в корзинку, и по пути уронил один-пришлось выпить всё содержимое, чтобы оно окончательно не запачкало его белоснежную футболку. К сожалению, молоко было с огоньком и с латинской харизмой, а потому футболка всё же оказалась грязной. "Не беда",-решил вдруг повеселевший Дионисий и попросту снял грязную вещь. В Коста-Рике вообще к этому относились спокойнее, чем в Европе, и почти везде, идя по улице, можно было встретить мужчину с голым торсом или женщину в ярком купальнике. "Ещё бы надеть очки.. Этакие, как у наркобарона из знаменитых американских фильмов, и готов. Туда, на вершину золотистой мафии!»-с присвистом подумал вдруг Дионисий. Когда живешь налегке, жизнь вообще почти всегда чрезвычайно радостна, а те неудобства, которые ты испытываешь, лишь дают тебе драгоценный опыт. Интернесная неожиданность-почти всегда, если только человеку удастся взять себя в руки, а не погрязнуть окончательно в безденежье, граничащем со смертью и беспримерной ленью, почти всегда человек, прошедший бедность, имеющий как раз тот драгоценный опыт, о которм я говорил, становясь на путь истинный

будет тем богаче и успешнее, чем беднее он был. Но богатство-дело временное. Это Дионисий понял, ещё когда взял часть родительских денег из сундука, зарытого где-то на белоснежном Коста-Риканском пляже. Конечно, он сразу отстроил себе и дом, размером почти с полноценный английский особняк, а после женился на хозяйственной девушке. Неожиданно, но вполне закономерно, вскоре всё как-то само собой развалилось. Ответ на вопрос: «Почему?» так никому до конца и неизвестен, но скорее всего всё же потому, что всё это было не делом его собственных рук, для него это было лишь приятным эхом прошлого. Сам Дионисий для себя решил, что он просто присытился хорошей жизнью. "Тут было, как с диетой и правильным питанием, думал он-совершенно точно, что, сорвавшись один раз, к примеру, после того, как с месяц питался одними куриными грудками, ты найдешь чуть ли не смысл всей своей жизни в простом маленьком тосте с джемом и орехами, но скорее всего, отстроив свой особняк, поженившись, как это сделал и сам Дионисий, начав есть с недельку так, по одному тосту в день, ты уже через короткий срок перестанешь вообще получать всякое наслаждение". Спорное решение? Возможно. Но Дионисий-упёртый француз. Он оставил все свои сооружения-сдавать туристам в аренду, открыл банковский счет, куда переводил полученные от аренды деньги, а сам переехал жить сюда, на аргентинскую ферму.

Возможно, единственной его мечтой оставалось обеспечить достойное будущее своим детям, используя деньги с этого счета. Но используя их с умом, а не так, как все. Не отдавая своих детей учиться в какую-нибудь дорогую школу, где их если и поменяют, то не в лучшую, а, скорее, в худшую сторону. Нет, его дети будут учиться в самой простой французской школе, носить вполне аккуратную, но не брендовую одежду, не играть в приставку вечера на пролёт, а скорее читать классические книги. Чтобы им за счастье было бы съесть мороженое после долгих июньских прогулок-в общем, чтобы его дети просто-напросто не пресыщались жизнью. С другой стороны, Дионисий чётко решил, что не станет много работать, пропадая на работе до самого утра. Имея такой запас денег у себя в кошельке, он не станет ставить работу выше семьи, и они обязательно возьмут за правило гулять в парке у озера перед ужином. У них с женой обязательно будут двое, трое детей-ведь вместе веселее живется. Она не станет тратиться на пластические операции и покупать дорогие, ненужные норковые шубы, о, нет! Но, быть может, его жена четко поймет, какво её любимое дело, и он обязательно поможет ей провинуться в этом деле... В конце концов, у Дионисия на счету обязательно будут деньги на приятные и дорогие подарки. Но Дионисий никогда не станет тратить много денег на себя. Ух, как это его разобрало от распития молока из кокосов:)

И вот, значит, Дионисий шел, побалтывая плетёной корзинкой с деликатесами, которые для кого и не деликатесы. С неба, ещё столь солнечного и ясного, как кожа какого-нибудь не совсем дозревшего, вот ещё чуть-чуть, цитруса, теперь как будто падал выжатый начисто сок. Впрочем, оно и понятно-лето в латинской америке часто бывает тропическим, и как маленький мальчик в России выйдет вдруг на улицу за хлебом и по привычке начнет ловить языком снег, так и здесь местные дети выбегали под мерные звуки дождя, падающие, как свежавыжатый сок в соковыжималке пятизвездочного отеля. Но вот мимо прошел тот самый парень, который торговал бабочками, и его взор сразу заметил, каким образом можно вернуть корзинку. Смекнув, что его наигранно дружелюбный, любимый гость и сам сейчас занимается не меньшей, а то и большей (кокосы всё же-имущество города, а бабочки вот как-то нет) контрабандой, он так же быстро забрал корзинку из рук грабителя, как ещё недавно отдал её, казалось, с концами. В общем-то, Дионисий этому не сильно расстроился. Он вообще был человеком, которого непросто было расстроить, несмотря на то, что поначалу не казался таким. Что ж, так никогда не доверяйте первым сложившимся впечатлениям. Хотя бы потому, что самые интересные люди, как бы проверяя вас на прочность, при том и сами не зная, как справиться с этой причудливостью, никогда при первом знакомстве не показывают себя настоящими и живыми. Но дождь пошёл, и даже тонкая нить наших

рассуждений не смогла на него повлиять, как и на то, что маленький мальчик, впервые в жизни вышедший помогать отцу на работе, ни с того ни с сего, радостный, что ему удалось заработать сразу так много денег за один раз, побежал и уронил всю стойку с кокосовым молоком, бережливо выставленным, как реклама, на всеобщее обозрение. На удивление, сделал он это на глазах у как раз проходившего мимо Дионисия. Дионисий и сам не ожидал такого поворота событий, как будто в каком-то кино подстроенных не совсем дальновидным режиссером, надеющимся, что порыв, посыл поступка затмит его ожидаемость. Но иногда даже сама жизнь, не кино, именно такова, предсказуема, и это лишь говорит о том, что каждый получит по заслугам, и в своей справедливости никто не будет выглядеть огорченным. Дионисий испытывал чересчур приятную радость, как от томления, как это бывает, когда долго-долго делаешь какое-нибудь сложное, но нужное для себя дело, и зашел так далеко и так устал, что хотел сдать, но всё же не сдался и продолжил работать. Так бывает, когда не знаешь, сколько ещё секунд, или минут продержишься, чтобы побить свой же собственный рекорд и когда не знаешь, насколько сразу улучшишь свое и без того хорошее положение. В общем говоря, как будто стоишь в планке на мировой рекорд. Дионисий понимал, всеми венками и сосудиками почти приземлившейся своей души понимал, что должен сейчас подойти и без слов поставить корзину перед отцом с мальчиком, хотя бы потому, что ребенок

не должен столь ложно истолковать себе бытие жизни. Но ноги как будто какой реактивной или инопланетной силой тянули его вперед. К тому же, словно то было знаком судьбы, при быстром взгляде Дионисия на отца с мальчиком и при их быстром ответном взгляде не произошло такого взаимодействия, которое обычно побуждает к дальнейшему контакту. В общем, не произошло такого взаимодействия, которое обычно происходит между вами и тем замечательным господином-зазывалой, проходи вы мимо парфюмерного магазина или турагенства. Судьба как бы говорила Дионисию: решай сам. И он решал, пользуясь ещё одним своим замечательным качеством, которое получил, будучи аргентинским фермером, когда к нему с допросами приходила налоговая инспекция: быстро и уверенно принимать решения. Он взвесил все за и против, будто свпомнив в миг, что, по сути и там и там он лишь занимается благотворительностью. Конечно, он так же молча, как то себе и представлял, подошел к отцу с мальчиком и отдал им их по праву не принадлежащие кокосы, а после удалился. Снова и снова, будто на перемотку поставленный, или в перспективу заключенный дождь барабанил по чуть одеревеневшему от блаженства лику Дионисия.

Конечно, Дионисий в итоге вспомнил, что купленный им билет остался у самой контролерши-дело в том, что Коста-рика-это гостеприимная, очень домашняя страна, и роль продавщицы и контролерши здесь исполняет одна и та же

женщина, а так, как бумага в принтере закончилась, девушка за окном пообещала пустить Дионисия на самолет и так, без билета. А он, будучи человеком доверчивым, к тому же верившим в справедливость, без тени сомнения согласился. Не выходи он из той кафешки, не попробуй поднесенные ему опомнившимся хозяином хотя бы булочку с кофе за их счет, Дионисий никогда бы, пожалуй, и не вспомнил о билете, и не улетел. Такова мораль шестой главы, друзья, и никогда ещё хорошие поступки не оставили бы людей без такого же ответного добра. Взлетая на самолете, он глядел в чуть покрывшееся грязью и пылью серебристое оконце. В оконце, что было покрыто так аккуратно и, казалось, с таким изяществом, что пыль в итоге оказалась, конечно, не на самом окне, а в душе Дионисия. Стюардесса разносила прохладительные напитки, а Дионисий думал: как же всё-таки странно, что все те люди в бизнес классе, безусловно имея такие же условия, как и он в прошлом, до сих пор не додумались, что истинная сила в смирении. Сейчас Дионисий был в таком хорошем расположении духа, что спросил об этом своего соседа-слегка молодого, одетого стильно, но с тем отрицанием красоты и вкуса, которым обладают только программисты, человека с компьютером-«В чем же истинная сила?» Впрочем, и сам Дионисий был, конечно, ещё далеко не богом, а потому иногда и забывал, что бывают в мире другие склады сознания, помимо его собственного. Забывал он и то, что у всех своя правда, и ещё неизвестно, кто в итоге действительно окажется-

ся прав, да и окажется ли вообще. В таком случае все люди в принципе на этапе зарождения идеи неправы. В таком случае удивительно верно звучит утверждение-мысль изреченная есть ложь. И молодой человек с компьютером не ответил Дионисию, но не из-за грубости или непонимания, а попросту потому, что был глухой. Тогда наш путник и вспомнил о своей, впрочем, как и любой человеческой необразованности. Ведь и вселенная не бесконечна, и не будет здесь находиться всегда, а меж тем мы все время думаем, что именно вселенная-монолитна. Так и у людей с ограниченными возможностями абсолютно другая вселенная, абсолютно своя жизнь. А, как следствие, и абсолютно свой смысл жизни. Сложно когда либо судить. За окном пролетали птичьи стаи.

Глава 7

Ни свет Ни заря почти что впервые в жизни встала поздно, потому что, похоже, ночью переутомилась. Конечно, оно и не мудрено. Девушка настолько вошла в раж, что почти до самого времени, как проснулся её брат, наблюдала за человечками. Потом хотела приготовить завтрак, и, более того, завтрак приготовила, но как-то забылась, запнулась, в общем, не выдержала в итоге веса своего сознания, и прямо на кухне, хоть и успев заварить будильник, заснула. Конечно, будильник ей звонил, и конечно не дозвонился. Ведь кому же удастся дозвониться из чайника? А Ни свет Ни заря, бу-

дучи всегда чрезвычайно оригинальной на всякие поломки, из сотен тысяч вариантов мест, куда можно было бы положить будильник, возьми и выбери спросонья, хотя скорее, с сильного недосыпа, именно это место. Хорошо хоть, никакого электрозамыкания не произошло или ещё чего-нибудь в этом роде. Женька у Ни свет Ни зари тоже тот ещё приколист-заснял целый фотоколлаж, который не снимают даже девушки на осенних фотографиях, того, как сестренка спит, с разных ракурсов. И вместе с чайником, и приоткрыв левый глаз, и закрыв сковородкой правый, в общем-порезвился на славу. Не потрудился и сбегал распечатать в мастерскую неподалеку снимок этих миллионов снимков, а после устроил квест. Квест заключался в том, что Ни свет Ни заре нужно было найти свой телефон раньше, чем он успеет выгрузить какие-либо фото, а Женька поставил их все на автовыгрузку. Конечно, Женька приехал не только раздражать сестру, он просто видел, что с ней происходит что-то не то, а сейчас он просто пробовал её немного перетормозить на верный лад. Ну вот как берешь мешок картошки, в котором сверху одна гниль, или чай с неперемешанным сахаром, и диву даешься: как же неудобно и неприятно получилось. Но после побарахтаешь этак мешок, пермешаешь чай одной ложечкой, и, глядишь-картофель самый что ни на есть средний, и даже выше среднего, и чай даже чуть чуть пересластил. В общем, примерно то же самое рассчитывал сделать Женька с Ни свет Ни зарей. Ну, а как ему ещё было посту-

пать? Не становится же ему для Ни свет Ни зари личным психологом. Все равно смолчит, а только хуже сделаешь-смолчит, но заметит, что со стороны уже всё-всё видно, и только сильнее себя загонит туда, назад, в берлогу недуга и ужаса, из которой её вроде как выманили. Пусть и выманили путём обмана, немного путем силы, по большей части-используя рьяный эффект неожиданности. Но сейчас следовало как-то спасти ситуацию, монументально важно было сейчас сохранить хотя бы то, что выманилось, сделать на том месте зарубку. Короче говоря, Женька каким-то образом прознал, что Ни свет Ни зоря хочет совещрить путешествие по маршруту звёзд (ну, или зачем она там рисовала Большую медведицу), и нарисовал, пока она спала, а будильник кипятился, наверное с десятков разных таких маршрутов. Одни проходили через Россию, другие-вовсе ни через одну страну, как-то благодаря своему строению удачно огибая острова и материки. Всё это лежало в одном месте, и Женя как раз рассчитывал на всплеск эмоций в её голове, который, как бы, как разряд тока заново запустит её жизнедеятельность. Ни свет Ни зоря нашла, притом не то, что не обиделась, а напротив-даже обрадовалась квесту и весь оставшийся день ходила веселая. Женя было подумал, что затея удалась. Он начал незаметно для себя ловить огонек в её было потускневших глазах, покуда Ни свет Ни зоря снова не ушла спать и он не смирился с мыслью, что тот огонек был лишь отражением его огонька. Её же огонек, ну, вон он-то, при-лег... Ни Свет Ни зоря сно-

ва, похоже до зари, пошла на балкон.

Как это обычно бывает, почти всегда, когда ты перестаешь ждать чего-то вовсе, или становишься менее требователен в своих ожиданиях, то обязательно происходит событие, которое начинает походить на эхо из прошлого. Обязательно происходит событие, которое предлагает тебе снова согласиться с тем, от чего ты уже отказался. Происходит ли это от того, что ты снизил планку своих ожиданий и сразу стал по-другому смотреть на мир, или действительно оттого, что именно сейчас так случилось, но это так. А потому, выходя в очередной раз на балкон, Ни свет Ни заря вдруг почувствовала то самое чувство, что делало её счастливой на протяжении лет, десятилетий во время её молодости. И это чувство не описать словами. Даже метафоры здесь не помогут, ведь это такое ощущение, будто поезд, на который вам надо было во что бы то ни стало успеть, вдруг вернулся, или словно просыпаешься после кошмарного сна и видишь, что все живы, или просто-напросто ты вдруг понял: время жить. Просто-напросто оттого, что ты-как будто прямая икс на оси координат, и синусоида счастья в это время слилась с тобой в тон. Тебе теперь ничего не надо делать, чтобы быть счастливым, ведь ты просто счастлив всё то время, пока она в этой фазе. В такое время Ни свет Ни заря глядела на башню взглядом, каким глядят на двоичника, что умудрился-таки написать контрольную на четыре, а ему теперь объясняют, как

надо было бы правильно, и он видит, что попал в просак. Ни свет Ни заря как бы утешала башню одновременно из-за того, что человек не живет вечно, и из-за того, что башня-живет, проводила со всем этим романтическую параллель такого рода, что в воздухе полночного Парижа витала энергия, в сто раз превышающая энергию светлой Есенинской грусти. Короче говоря, на Ни свет Ни зарю этой милой парижской полночью снизошло озарение. Чуть поглядела на все эти снова и снова снующие внизу беспокойные лица, как под копирку дивящиеся одному и тому же, радующиеся как-то наигранно, и заливающиеся словно отлитым на заводе чугуна смехом. Да у них даже пределы мира одинаковы, что и говорить! И зависят они хоть и от их умственного, а скорее ментального развития, но косвенно, и всё чаще пределами их жизненных рамок становятся такие пустяки, как популярность своего кумира.

Она прошла мимо спящего, и уж точно не занимающегося всей этой ерундой, хоть даже и там, у себя в глуши на родине, брата к далеко не единственной в доме зарядке телефона. Даже далеко не единственного в доме телефона. А что, если вдруг разобьешь один? Как проведешь после те томительные часы ожидания, похожие всё больше и больше на ожидания утки, жаждущей, когда ей наконец бросят корм? Ни свет Ни заря стремительно подошла к телефону, вынула из него провод, причем на экране, на фоне какой-то непонят-

ной, перевернутой фотографии показывало лишь семьдесят два процента. Она ещё почти никогда не уходила с незаряженным телефоном, но сейчас развернулась и так стремительно прошла на балкон. Сосчитав до десяти, глядя на всё тот же, уже ненависный ей полумесяц и поднадоевшую башню Эйфеля (будто нельзя было придумать чего разнообразнее!) и как будто видя не их, а разговаривая с какими-то попусторонними силами, тёмными ли, светлыми ли, неизвестно... Ну, как маленькие дети, когда лежат, она решительно выдохнула и удалилась из Фейсбука. А после и из Инстаграмма, и из Твиттера, даже Телеграмм удалила, чего уж тут, пустилась во все тяжкие! Сильно-сильно подняла руки вверх и хотела выкинуть телефон с балкона, как баскетболистка, ведь в детстве она была баскетболисткой, но отчего-то дернулась, вовремя опомнилась и мягко-мягко положила телефон на шаль. В глазах её откуда ни возьмись появился тот лвиный огонек, который бывает у людей в начале их цикла жизни, ну, вот как у Луизиана, и который так в ней искал братец, словно ей пришла в голову какая-нибудь сумасшедшая идея. Ну, вроде того, чтобы не спать трое суток. Как будто брат силой умственного желания передал ей свой огонь. Она снова прошла мимо дверного проема, и шторы, как и пылевые клещи, если они и вправду существуют, сильно подивились такому разнообразию-обычно Ни свет Ни заря входила и заходила на балкон этак раз в восемь часов, что для некоторой живности является целой жизнью. И уж точно

являлось, ну хоть месяцами тремя для клещей. А тут-через день. Во дает, баба, зачастила!

В общем, Ни свет Ни заря надела свои чуть холодненькие сапожки, хоть и не подходящие под наступившую нынче погоду (а было далеко за двадцать), тёплое и модное пальто, и так далее, там, шапочку с динозаврами, взяла в охпаку разную бытовую технику и пошла как будто погулять. Да, лишним и глупым было бы надеяться, что её не ограбят в таком обличии, но отчаянный человек порою хуже отчаянного медведя, и ещё повезло всем тем, кто на неё в итоге не напал, потому что он мог получить тяжелые рваные раны от ударов микроволновкой. Ну, хорошо хоть, стиральную машину не взяла. А, впрочем, что это я? Человек ведь живет, старается. Ни свет Ни заря решила продать много-много ненужной ей техники, которую накупила так, что из интереса, что по совету дизайнера, но не оценила или не поняла, и понесла сдавать по разным магазинам. По каким? Не парьтесь, Ни свет Ни заря уже взрослая, и знает толк, да и пару своих секретов, и пару своих знакомых в магазинах бытовой техники. Ведь умеют же некоторые мужчины находить свежие цветы цветы даже в ночном, казалось, закрытом городе. Вот и женщины умеют продавать айфоны и бытовую технику. Ни свет Ни заря в итоге продала, и вернулась домой под утро с ароматно пахнущими французскими круассанами, тесто которых было так мягко и свежо, что выглядело точно

первосортным и чересчур дорогим. Но ни свет Ни заря больше решила не экономить на здоровье, а так же на подарках своему брату. Ведь братик её, ещё с молодости хотел, когда все вместе, с папой и мамой, да что, даже с дедушкой, ходили по деревне и время от времени толкали тракторы, себе какую-нибудь маши-ину. Но было ему всего двадцать два, и то, что семья их слыла не самой обеспеченной, а скорее просто средней семьей, означало, что он не мог себе позволить такую роскошь. Хоть и зарабатывал уже приличные для Иркутска деньги. Вот Ни свет Ни заря и решила ему позволить машину, тем более что-всё равно ведь уезжать скоро, а там, в Антарктиде, глянь, и нет интернета. А братик вот, порадует-ся. Бытовой техники продала в сумме примерно на миллион рублей, ещё три миллиона решила взять из своих накоплений в банке. И пора ведь уже открыть тайну, что у Ни свет Ни зари нашелся чрезвычайно состоятельный дедушка, чуть ли не король, папа от первого маминого брака, и вот недавно он умер и оставил ей такое наследство, плюс домик в Дубаи, за счет сдачи которого она и жила. Порою ей становилось старшно. Но деньги-опасная сила, и хоть Ни свет Ни заря и была чуть ли не первой модницей в Париже на своей улице, но понимала, что пустишься в траты-не остановишься, а потому сделала себе достаточно приятные условия для проживания, потратив при том лишь меньшую половину наследства, и старалась теперь жить на прибыль от аренды в Дубаи. Впрочем, пока получалось, и по французским меркам в

плюс уходило каждый раз примерно по двести евро, которые бережно переводились на накопительный счет, а после своей частью к семье, в Россию. Впрочем, у Ни свет Ни зари была только одна семья, состоявшая из близкого ей отчима. Мамы же не стало, папеньки тоже, а та хохлушка с накрашенными глазищами, ну... В общем, в таких случаях говорят: «Не сошлись характерами». Короче говоря, брату теперь должно было хватить на приличный автомобиль премиум-класса. Не Порш, конечно, но в том-то и соль: когда поступаешь действительно дорогой автомобиль-все время хочется ещё и ещё больше. Как будто в благотворительной гонке с малышами, ты, будучи малышом на год старше, желаешь приехать не в певрой десятке, а просто первым. Ни свет Ни зари красиво упаковала кредитную карточку и приукрасила это дело всего лишь парочкой круассанов, но так, что у ещё заспанного Женьки потекли слюнки удовольствия, причем если и не изо рта, то из самого сердца. Себе в честь начала новой жизни взяла манговый кофе. Сахара, следя за своей и без того совершенной фигурой, попросила не добавлять. Кстати, часто раньше Ни свет Ни зари снималась на обложках модельных, а иногда и мужских журналов. В общем, была бесстыдница, как сказала бы какая-нибудь подъездная саратовская бабушка. Пусть это и так, но бесстыдство это тоже приносило ей до десяти миллионов рублей в год. Лишь сверху. В общем, если бы не эта пресыщенность, грусть в глазах, то казалось, что жизнь Ни свет Ни зари полностью удалась. Оставалось выйти

через пару лет замуж, а после в шали, с той лишь нежностью, которая доступна матери, но не девушке, читать колыбельную сыну, спящему в кровати из Икеи и зевающему в икеевский расписной ночник.

Глава 8

Диоисий подлетал к Атланте. Местный аэропорт хоть и сверкал чуть поалевшим, другим пламенем жизни, но был для него почему-то непреодолимо ближе по сердцу, и в то же время дальше по душе. Ну вот как если все время жить на окраине и после переехать в центр. Садились, можно сказать, на честном слове, а ещё на одном крыле и искреннем мастерстве коста-риканских пилотов. Когда люди в следующий раз будут спрашивать, что же они делают не так, почему они все ещё не достигли успеха, я им покажу этих пилотов: «Вот, ребятня, учитесь-Деды». Сели и правда чудом. Над Карибским морем в это время начался очередной, сезонный шторм, этакий ураган, уж не знаю, Катрина ли, или Элис, но по русски звучащий просто: «Ядрена-мать, как мне страшно». Кричал один по видимому русский пассажир на борту этого лайнера, видя, как из стороны в сторону, как очень сбившегося с жизненного пути человека, мотает мелькающую то и дело в иллюминаторе пальму. Летели низко, и непонятно ещё было, от чего становилось пилотам больше не по себе: что могут не справиться с управлением, или от того, что выживут и будут

громко-громко кричать, ну, как Дмитрий Губерниев после победы наших в биатлонной гонке. Но сели в итоге отлично, так бывает, везёт человеку, занимающемуся своим делом, но под грузом стресса сбавляющему обороты.

Дионисий шел, долго сопротивляясь Атлантской погоде, по небольшому, но сейчас казавшемуся непреодолимо широким проспекту по направлению в город, ведь автобусы, конечно, сейчас никуда не ходили. А идти было надо, ведь единственное, пожалуй, правило, которого придерживался Дионисий, заключалось в постоянном движении. Он не признавал никаких остановок, собственно, поэтому и поехал за чем-то за Луисианом в далекую даль. "Важен не результат, а постоянная работа»,-говорил он. "Ошибочны суждения всех людей, что работают ради результата. Такие люди, безусловно, добьются того, что желают, быть может, добьются даже быстрее, чем кто-либо другой. Но смысл жизни-не в результате, и человек не умрет, сделав всё, что бы он хотел. А потому встает вопрос: «Как же дальше жить, к примеру, мужчине, который выиграл олимпиаду и испытывает ту самую знаменитую депрессию?" Он работал ради результата-он его получил. А работать на самом деле нужно ради самой работы. Как сказал один бородатый мудрец: важна работа, но ещё важнее-постоянно замечать именно процесс работы. Ставя работу на первое место, ты не станешь ощущать спад после достижения какого бы то ни было результата»,-так думал Ди-

онисий, рассказывая ураганному ветру свои стихи. Погодная ситуация ухудшалась, и, наверное, в городе уже ввели чрезвычайное положение, буквально молясь, чтобы не было сезонного урагана, что часто посещает широты северной Америки. Но Дионисий мог только догадываться об этом, например по тому, что невдалеке пролетела веточка молодой пальмы. Ему было не привыкать, напротив, он не считал свою жизнь жизнью вовсе без того, чтобы не произошло какого-нибудь приключения и чтобы что-нибудь, например, та же палочка, не поранила его голову и не дала ему многовековой опыт. Так что, когда к Атланте подлетал ураган, Дионисий даже порадовался, что будет что-то новенькое. Конечно, он был чуть сумасшедшим и бесстрашным, но был именно таков и этого у него уже никак не отнять. Вспомнить только, как во Франции, ещё во времена его пребывания на родине, Дионисий после института красивым майским днем гулял по цветущим деревьями проспектам, и ничто не предвещало беды... Но уже пару минут спустя он вместе с полицейским бежал с арбузом на руках, только что ограбив арбузную лавочку. И Дионисий шел, и дождь, этот ливень, переходящий в ураган под кодовым названием «Катюша», словно перетекал плавно из того дождя, который застал его ещё в Коста-Рике, этот дождь был как бы символом всей его жизни, как бы напоминанием о том, что ветра жизни никогда не остановятся, и придется жить и радоваться жизни вместе с ними.

Дионисий шел и думал о странностях своей жизни. Честно говоря, он не понимал, как все эти люди вокруг могут умудриться быть такими несуразными, грузными деревьями, весь характер которых сводится к самокопанию и разборе в самом себе. Он не понимал, хотя в то же время и понимал, как эти люди могут выглядеть- как Коста-Рика и Париж, если их сопоставить рядом. Ведь люди в отличии от городов имеют сознание... Впрочем, сознание городов строится как раз из людских сознаний. Говорят, в Атланте находится один из самых больших и самых загруженных аэропортов мира. Но, как весь мир после окончания школы кажется ещё юному человеку таким собранием всего, что отрицалось и преподавалось как неправильное в школе, так и хаос муравейника людей, творившийся во время урагана там, в одном из современных строений, показывал, что в мире возможно всё, главное задать лишь правильную установку. Показывал, что большинство людей слабы, как только приходит время сделать что-нибудь неординарное, при том, что однозначно любой человек может всё это сделать. Дорога, по которой шагал сейчас Дионисий, чем-то напоминала новый Голливудский фильм. Всё было так нереально, как будто вот-вот из под заводнившегося асфальта поднимется стая зомби и пойдет здесь жить. Дионисий шагал по настоящему американскому шоссе, шестиполосному, как и положено, и всё это время накрапывал сильнейший дождь и мимо всё ещё лета-

ли пальмовые ветки. Как будто кто-то в аэротрубу запустил такую живопись и начал снимать. На шоссе не было ни одной машины, и тем лучше, ведь, кто знает: не зальет ли их в как в последний раз этот дождь? Дионисий шел и не понимал: "как люди могут не добиться чегонибудь, захотев однажды? Ведь в мире воистину возможно всё!» Летал же Юрий Гагарин в космос, выживали ли же люди в войну, так и в мирной жизни, всего лишь начав спать через день, можно за месяц получить больше ста лишних часов цельнозернового рабочего времени. Одно время Дионисию стало даже скучно добиваться чего-либо, потому что он мог добиваться всего, хотя и видел, как его результаты выходят далеко не совершенными, и при всем при этом он всё равно обгоняет всех. Дионисий нашел развлечение и главный приют в жизни сегодняшним днем и буквально в отречении от своей памяти. Ведь это так приятно, друзья, пытаться в шутку о чемнибудь и не вспоминать! У Дионисия было совсем чуть-чуть денег в кармане, и хватило бы их лишь на маленький хостел где-нибудь в центре города и ещё на пару хот-догов с растворимым кофе. Но разве может быть что-нибудь приятнее этого для человека, который приходит погреться в людное теплое место после бури?

Справа от основного движения дороги находился какой-то съезд. Похоже, сверху был центр. Дионисий дошел дотуда примерно за два с половиной часа. И это, конечно,

было недолго, но Дионисий как-то собрался, как будто за время своей немного глупой и вынужденной поездки поймал второе дыхание, и вовсе не обратил

внимания на сей факт, ведь он мог дойти до центра и бегом. За такое время пробегают и марафоны, но не стал. В общем, вторым главным правилом Дионисия был факт, осознание факта, что время проходит быстрее, когда ты двигаешься.

Прошло время и сейчас.

Дионисий решил двигаться дальше, и отдав талисман Луисиану, собрался осуществить одну свою древнюю мечту-поработать в Росси на стройке. Почему? Дело в том, что первым его детским воспоминанием была картинка, на которой они вместе с папой идут мимо какого-то большого дома, и сверху дядя на кране ест лапшу. Дионисий своими глазами детского острого зрения видел, с каким удовольствием дядя одну за одной глотает макаронины, а в перерывах-глядит, как хозяин самого месяца, начиненный влеикими тайнами ночи, осматривает, казалось, весь город со своей высоты. Дионисий понимал, что жизнь никогда не заканчивается, а потому нужно всё время закрывать какие-то галочки жизни и двигаться, двигаться всё дальше и дальше. Вот и его мечта, хоть и казалась детской и несуразной, была для него чем-то очень-очень новым, пусть и новым в своей несуразности и

наивности. Но именно в России (а эта страна всегда привлекала Дионисия своим творческим беспорядком), на стройке должно было бы быть интереснее всего. Там можно и научиться ремеслу жизни, плавно переводя его в профессионализм искусства, там можно и повидать сильных и интересных людей. Размышляя так, он вкушал горячую детройскую пиццу, фирменную для этого хостела в центре Атланты, потому что хозяин её был настоящим детройдцем и всех угощал. Он выглядел не молодо, а скорее так, как может выглядеть какой-нибудь инструмент после третьего дня тяжелой, но добросовестной работы. И это ему даже подходило, как подходит желтеющим деревьям осень, а поржавевшим машинам их острота черт и бамперов, ведь он был самым настоящим детройтским рабочим с почти двадцатилетним стажем работы. Хозяин сказал Дионисию: «Ты сильный и умный парень. Я не вижу в тебе почти никаких недостатков, а потому, если ты только начнешь, то сможешь достигнуть совершенства. Но тем ты и опасен даже для самого себя. Опасен, как самая большая акула, ведь всегда тяжело быть первым и постоянно, уже с некой скукой, отражать нападки врагов. Будь осторожен, Дионисий, и найди в себе силы встать, если тебя сразит посох перчёной жизни. Порою приходится готовить еду в поддонах. Но порою стоит притвориться такой едой. Это последняя ошибка на пути сильных людей, которые умеют прощать себя, ошибка своей гордости». Несмотря на вечер, светало. В американском городе потихоньку за-

канчивалась буря жизни.

Глава 9

От того урагана, что в эти ночи накрыл сначала Америку, а потом и Мексику, и Бразилию, и Аргентину с Коста-Рикой, хижины местных рыбаков, все без исключения, претерпели ряд изменений. Одни стали похожи на перевернутые шхуны после того, как их перевернул Некто Мегалодон, вторые-на груды избушек или даже деревень, что были просто драматично заброшены, третьи-на стаи перелетных птичек, такими они казались легкими. Но были и те, что вовсе не пострадали. Казалось, сама природа дает людям шанс исправиться, или, кто знает, таким образом выделяет лучших. Хижина Луны и Ночи вовсе не пострадала, хотя и стоящие рядом по левую и правую сторону хижины были сметены в хлам. Казалось, то был искренний знак Луисиану, что он и сам похож на талисман. Луна и Ночи тоже это подтвердила. Ну какой ещё человек своими силами мог бы остановить шторм, буквально, как Ной, спасти от неминуемой смерти? А он смог. Луна и Ночи долго ещё упрашивала его пожить вместе с ними, но Луисиан не стал. Поехал в Париж, ведь кто-то шепнул ему на ушко, что Дионисий прячется именно там. Апофеозом его уезда стал тот факт, что течением и злыми ветрами к избушке Луны и Ночи была пригнана абсолютно цельная, разве чуть поцарапанная спереди от коста-рикан-

ского песка яхта, которую тут же по совету Луизиана было предложено перекрасить и продать. Так и сделали, и уже через неделю Луна и Ночи вместе со своим маленьким мальчиком зажила в столице, помогая булочнику и получая там хоть и половину зарплаты, но на самом деле столько, сколько бы хватало по три раза закончить ремонт новой квартире и прокормить дитя. Именно в этом веселом расположении застал Луизиан Луну и Ночи в последний день, когда уже были куплены билеты в Париж и до рейса оставалась самая малость. Проходя по ступенькам вверх, он стал замечать, как все его впечатления от жизни рушатся и одновременно заменяются новыми, более свежими и искренними, и нет, он не влюбился, а лишь понял, признал ту вещь, которая может стать главным смыслом его жизни. Он лишь видел, как в квартиру, стоящую напротив левой квартиры на двадцать пятом этаже (сын Луны и Ночи любил высоту, и мама из всех сил хотела его порадовать) заносят настолько красивый и настолько подходящий к тем обоям гладко-зеленого цвета диван, и почти что ахал. Он вдруг подумал: «Но почему бы мне не быть тем волшебником с голубого вертолета, который помогает людям строить золотые дома? И ведь не всё то золото, что блестит, но почти всё-что нравится. Так Луизиан определился со своей будущей профессией, а ему пора бы было стать уже кем-то кроме лучшего итальянского Деда Мороза, хотя и была у него еще одна идея. Но о ней попозже. А, впрочем, зачем попозже, к тому же, Луна и Но-

чи приготовила очень вкусный карибский чай с добавлением поп-корна и чего-то сладенького, возможно, настоящей маракуйи. В лучах заходящего коста-риканского солнца, в квартире, где денег на дизайн было отведено ровно столько, чтобы нельзя было сказать, что хоть копейка ушла в пустую, это зрелище было идеально гармоничным. Луисиан сидел на новеньком белом стуле, с какими-то резными вставочками, но таком, в котором, впрочем, не было ничего особенного, и как будто пил само время из этой квартиры, которое сейчас свернулось в трубочку и, как бы вытекая, как желе, как мед из старой стеклянной банки, в цветах южного берега впадало в океан рта. Да... Бывают в жизни такие моменты, когда твоё тело как-будто заново рождается, или вдруг идеально попадает в ритм жизни, или всё-таки заново рождается, и тебе больше не кажется вовсе, что жизнь когда-либо бывала с тобой несправедлива. Ты лишь представляешь, как пьешь, пьешь это свежее молоко пространства и понимаешь, что никогда-никогда им не насытишься, а ещё то, что можно было бы после такого стремительного и слишком красивого вечера немного поспать.

Луисиан открывал глаза, сидя в каком-то самолете. Сначала не помня ничего вовсе. Потом же вспоминая, что было в гостях, и в каких гостях он вообще был, он было вдавался в краски и в описание деталей, но после брал себя в руки, замечая как-бы на ухо самому себе, что нужно двигаться даль-

ше. Понимал, что всё больше и больше хочет в своей жизни чего-то нового, немного непонятного. Именно того, что выбирают не совсем решительные люди, убедив себя всё же выбрать «да» между «да» и «нет» и договорившись с самим собой выбрать «да» теперь вообще всё время.

Так станем же готовить счастье, друзья! Ни свет Ни заря проснулась, заварив себе и своему брату индийский чай, и отправилась мыть посуду в таком настроении, как если бы знала, что сейчас пойдет в магазин и выиграет в бесплатной лотерее, проводимой из года в год некоторым производителем. За окном было так, как бывает наверное в горах Сочи в полночь, под Новый год: немного холодно, боязно, жутко темно, но непреодолимо красиво, как если бы ты знал, что вон там, за холмом, а ещё за большой городской елкой, которую собираются снимать, точно стоит горная праздничная деревня. С другой стороны-дома было почти непреодолимо холодно. В это время Париж посетили настоящие русские крещенские морозы, но только не Ни свет Ни зарю-её пол с подогревом на все сто справлялся со своими обязанностями. Брат, как это обычно и бывает в семье, состоящей из сестры и брата, хоть и был главным, умным и более ответственным за свою нерадивую родственницу, но почему-то постоянно спал, и, как бы ни настало утро, всегда просыпался

позже Ни свет Ни зари минут на десять, пятнадцать. В чем секрет этого тайного действия? Всё очень просто-когда Женька уже безвозвратно ложился спать (а он всегда засыпал и просыпался стремительно. Как говориться, любить, так любить!), Ни свет Ни заря с мурлыканием себе под нос пробиралась к его кровати, аккуратно переворачивала его на другой бок, тем самым отводя тело от стены и боковой подушки, а после, чуть нагнувшись и вытянувшись смотрела на будильник. Она засекала, сколько было времени и где стояла стрелка, а после сама шла в душ, чистила зубы электрической, по последнему слову медицины, правильной щеткой, и ставила свой будильник ровно настолько раньше, чтобы снова с утра застать брата с чашечкой кофе в руках и игривой полухитрой, полусочувствующей улыбкой. Так и мы с вами, дорогие друзья. Если мы хотим добиться чего-либо, ну, скажем, например-хотим научиться рисовать, то мы делаем этот чуть некрасивый, но правильный шаг. Мы сначала просто входим в класс, не обязательно в класс, как в комнату, это может быть и абстрактное понятие, и втираемся в доверие этому сословию жизни. Мы знакомимся с учителем класса, с уважением смотрим на всех ребят, которые здесь уже были и которые, кажется, чего-то знают, некоторые даже больше, чем надо. Это видно по блестящим от радости и оживления глазам учителя. Мы картинно радуемся и сами, когда у нас что-то получается, картинно и огорчаемся в ином случае, а после делаем этакой пируэт жизни, как сама Ни свет Ни заря, раз-

ведываем, как много делает и как сильно работает над собой и над навыками самый сильный ученик в этом классе, а после запоминаем информацию и так же картинно удаляемся. Нам больше не нужна школа, как живительная часть жизни и вкуснейшая часть влаги. Это уже наверняка. Ну вот как не нужен человеку больше фильтр воды, если он подглядел, где находится родник или колодец артезианской скважины. Радость в том, что в жизни всегда можно определить этот родник. Ведь он и не хочет скрываться. После, узнав о силах самого высокого ученика, мы дома, ночью ли, ранним утром, или после обеда, когда все спят, организовываем свою деятельность так, чтобы делать в два, в три раза больше него, и начинаем радоваться жизни. Как если бы то была лыжная гонка, и вы всё время ехали где-то в серединке, но всё-таки ближе к лидерам, чем к отстающим, и вам нужно было бы кровь из носу опередить всех, и вы наконец поняли, как это сделать. Левая лыжня почему-то стала много быстрее правой и этого никто не заметил, а вы поехали уже наращивая темпы, но с каким-то душевным спокойствием, успевая в перерывах между вдохом и выдохом мембранами носа наслаждаться природой. А когда вы наконец доедете до финиша, что ж, не переживайте-будет немного грустно от того, что закончился лес, но это как раз ничего, ведь если вы успевали делать между вдохом и выдохом паузы, в которые сохранили всю ту атмосферу, то лес навсегда останется с вами. А вы успевали делать такие паузы, если использовали это хитрое

правило жизни. Вот и Ни свет Ни заря снова, проснувшись и уже отшедши ото сна, хитро глядела на дергающиеся от скорого пробуждения, в такт будильнику, глаза брата. Ни свет Ни заря была из того типа женщин, которым не нужен вовсе мейк-ап, ведь их лицо скорее само могло бы стать чьим-то марафетом, например марафетом влюбленного в них создания, и всё же она часто не лишала себя приятности по утрам, вытянув губки этак, как лебедь, в два-три чуть небрежных штриха накраситься помадой или изрисовать свои ресницы. Когда Женька наконец проснулся, она заканчивала последние штрихи в своем творчестве, и похоже ей в такт с неба уходила Луна, перемещаясь в свою гримерочную комнату, для того, чтобы выйти на финальное представление со сногшибательной красотой, и звезды заволакивало тучами дыма, или пара, который исходил из стаканов свежего индийского чая, вынесенных на балконы.

И насколько же приятно, скажу я вам, вот так вот, в середине января, когда на улице стремительно холодно для Парижа, и он уже больше похож на Москву, чем на Париж, всё же выйти на балкон резного старинного дома с чашечкой чая и убедиться, что гламурные женщины и любознательные туристы, а вместе с ними и башня, никуда ещё не уехали или по крайней мере хотят дожидаться вас. Тогда ты как бы смотришь, чуть покачиваясь от волнения, на всё это и спрашиваешь у него: «Стоишь?» И оно отвечает, глядя на тебя, как на

неживую гирлянду, что вдруг заговорила: «Да, вы знаете, если взять вот этот пакет и добавить к нему зимний, поискать, есть ли на складе зелёный цвет, то можно уже прямо сейчас по факту оплаты забирать машинку». машинку.»

«Да, вы знаете, если взять вот этот пакет и добавить к нему зимний, поискать, есть ли на складе зелёный цвет, то можно уже прямо сейчас по факту оплаты забирать машинку». Жена и Ни свет Ни заря уже, казалось, третий час стояли в автосалоне и договаривались о покупке нового автомобиля. И дело было не в том, что что-то шло не так или что кто-то решительно не мог выбрать, но скорее просто в том, что они с Ни свет Ни зарей подошли к этому действию, как к приключению, как бы репетируя свой будущий выезд в Антарктиду. Для начала они долго ходили по автосалону, садясь по очереди в самые большие и самые маленькие автомобили и пробуя играть прятки, то есть натурально-один прятался спереди, а другой в это время считал сзади а после искал, и, что самое интересное, не всегда находил сразу. Потом наконец определились с моделью, и долго-долго ходили вокруг неё с целью узнать: а какие вообще бывают цвета? Это очень сильно интересовало Ни свет Ни зарю, ведь, со своей бледно-красной помадой на губах она была настоящей эстеткой. После договорился с главным менеджером, почуявшим крупного клиента, о тест-драйве, и, как водится, сначала попали в пробку, а после надо было ехать на заправку на другой конец горо-

да-закончился бензин. Зато покатались вдоволь, и даже Ни свет Ни заря сделала круг почета перед автосалоном, иммигрируя, как она в ночи, просыпаясь на пятнадцать минут раньше брата, ну, как сегодня, будет пыткой выгадывать, где у того лежат ключи и делать круг почета вокруг башни... Потом долго оформляли документы и выбирали диски для автомобиля: Ни свет Ни заря хотела побольше, а Женька-попрактичнее. Но в итоге всё же нашли компромисс, и когда начались вечерние сумерки, взору мира предстал новенький темно-оранжевый, казалось, цвета камина, автомобиль. Выкрутив руль вправо, Женька буквально выскочил из-за руля и припал на Землю перед ликом своей машины и сестры-так они ему обе нравились. После стали снова играть в прятки. Ни свет Ни заря спряталась в багажнике, хоть они и договорились там не прятаться, и Женька, чтобы её проучить, решил пойти и просто прогуляться.

Глава 10

Он сидел и смотрел на костер, не замечая, как полыхает закат на том берегу моря. Рядом лежали какие-то чуть поржавевшие ключи из такого крупного, твердого материала, что казалось-они сделаны не меньше, чем из чугуна. На самом же деле это было олово. Кричали чайки. На одном из сквозных окон, ну, точнее, недалеко от одного из них, висел

какой-то магнитик из Черногории. В лучах закатного солнца закат, не местный, более теплый и более твердый, как желток в яйце, которое чуть передержали на сковородке, подсвечивался бликами и казалось, с вероятностью в десять-пятнадцать процентов, что там, за этим бликом скрывается тайна. Быть может-инопланетяне, или и сам смысл жизни. Такой засвет часто делают на фотографиях в суде, особенно делали раньше, когда всё-всё зависело от проявления пленки, чтобы скрыть аргументы и доказательства. Но прошло уже время, заколосилась рожь, и нечего скрывать больше этот песочный цвет жизни, ведь всё равно не скроешь. К тому же, победителей не судят, а значит и пляж нам-не суд, а скорее лишь место описания. Описания чего? Что ж, основных приключений героев. Слева, чуть вдалеке, так, что казалось, будто это в Голландии, стояла ветряная мельница и то и дело ворочала свои лепестки, как натрудившийся за день шмель, грузный, ленивый и быть может умирающий, но упорнодвигающийся к своей цели.

Долго ли шёл Женька вперед, подальше от Парижа, играя в прятки с Ни свет Ни зарей? Как оказался он здесь, у берегов Голландии? А может, он был здесь не один, а уже успел перепрятаться, поспать, и, захватив свою сестру в новую машину, ночью, нарушая все правила, за один перегон доехать до сюда? А может, это вовсе не Голландия? Так часто бывает, когда человек начинает сомневаться в себе. То-

гда "нет" у него становится, как "да", а «да"-как "нет", и нет в мире естественных сил, чтобы переубедить такого человека. Вот и Женька (не знаю, почему вы подумали, что он в Нидерландах), был сейчас у морских берегов Франции, где тоже иногда бывают мельницы, как вольные кони, забежавшие порой не за ту границу, где тоже можно на своей новенькой машине с большими литыми дисками заехать на белоснежный песок и вот так вот, как они сейчас, сидеть у костра в ожидании парома. Женьке и Ни свет Ни заре для своего путешествия всё равно надо было как-то попасть на Бермудские острова, и они решили: почему бы не прокатиться? И у Женьки ведь всегда была веселая фантазия, не даром же он поставил пунктом отправления именно острова. Возможно, потому что всё их будущее путешествие было авантюрной тайной.

Бренчала гитара. Волны накатывали с той ненавязчивой периодичностью, с какой это бывает в чуть замедленной плёнке фильма. Туда-сюда. Туда-сюда. С каждым разом языки их голубого, возможно, вечного пламени подбирались всё ближе и ближе к чуть размякшим от непривычной тишины ступням. Песок был довольно белым, даже сказочно белым, и чуть более крупным, чем, если бы вы вдруг уменьшились в размере раз в сто и упали в муку первого сорта. На фоне такого песка, на фоне почерневшего, как может по-

чернеть только в теплых январских странах, зарева заката лучше всего смотрелся полыхающий некрасивыми, неровными, но увесистыми и долгоиграющими бревнами лик костра. Да. Обычно море им представляется по-другому. Во первых, это почти всегда точно лето. Ну вот не привыкли пока что русские люди к тому, что где-то там, далеко-далеко, в тех самых теплых январских странах, греющих лучше, чем шерсть белого медведя, бывает теплое море даже зимой. Во вторых, что бы там ни говорили люди о ценности и признаке вкуса белоснежных пляжей, в первую очередь лишь желтый мелкий-мелкий песок способен создать атмосферу пляжа. Такой песок может быть прерываем иногда даже кучами мусора, иногда даже чем-то довольно острым, неприятным, консервной банкой, но все равно не перестанет казаться для большинства людей на Земле самым родным песком. Дальше-больше. Чем здоровее лица, тем, говорят, должен быть свежее и сам воздух в помещении или в пространстве вокруг, но лишь у маленькой горсточки людей, да и то после долгого раздумья появится желание назвать завывающий от ветра и тучек почти нормандский пляж пляжем для хорошего купанья. Скорее уж-пляжем для выживанья. Пляж должен быть теплым. И даже более теплым, чем бывают обычно пляжи зимой в январских странах. Тут что то не так. Значит, надо искать более теплые страны. Возможно, это конечно не главное, но это, знаете, как украшения без последней капельки, как глазурь без последней песчинки сиропа, если на море не

виден закат. И закат-это такое условие, которое должно быть непременно. Вот как человек ходит на работу и идет туда, даже если несильно заболел, так и солнце должно дежурить у горизонта и прогонять всякую тученическую шпану, чтобы людям можно было банально помечтать, глядя на идеальный шар персиковой формы, а не на кулисные загромождения. На настоящем курортном море должен быть чистый горизонт. Это как дважды два, как если тебе сказал учитель, что, покуда ты не наденешь форму, в школе можешь больше не появляться. И буран, небольшой буран, знаете, такой вот маленький буранчик, которого приручили специально, как будто внука крокодильчика, и как один из своих козырей показывают туристам. Но не полный штиль или полный разгром. Совсем немножечко пикантности и экстрима так, чтобы было что-то вроде американских горок. С одной стороны думаешь: "Французский леший! Вот это чеерррт!!!", а с другой всё же краем уха или глаза понимаешь, что всё не так страшно. И ещё морская звезда, выплывшая ненароком на берег, ведь это самый необходимый, хотя бы уже потому, что самый маленький шаг. Она должна обязательно, время от времени, как в игре, выплывать в виде какой-то декорации. Чтобы одни люди на неё смотрели и её не замечали, символизируя то, что делают повсеместно со своей жизнью. Чтобы иные люди посвящали ей целые стихи, писали по ней картины тысячелетия, а третьи, дети, сначала произвольно тыкали детской лопаткой, а после, узнав, что тыкают саму

жизнь, долго и от чистого сердца искали бы у этой морской звезды лобик, чтобы поцеловать. Дети, думающие, больше того, что звездочка обиделась, вот как собака, если ей вдруг наступить на хвост, и специально не показывает свой лобик, или, что вообще страшно, он уже как-то отломался. Ради одного этого должна быть морская звезда на любом пляже. Ради одного этого. Ведь что это за пляж, на котором нет ничего красочного и шипастого, но красивого, как роза? Что за пейзаж моря без царицы его полей-какой-нибудь пресноусой медузы? Впрочем, с другой стороны, именно такие пейзажи-самые мудрые. Хоть и довольно циничные. Но если бы я покупал себе дорогую картину в свой новый дом, то скорее взял бы «Девятый вал», нежели чем «Мона Лизу». Хотя, согласитесь, «Мона Лазу» мне никто так просто и не отдаст. Хм, да и «Девятый вал» тоже...

Вот и этот пляж опустел, и остались на нем следы лишь чего-то крупного, стойкого, наверное, чайкиных лапок, колеи от колес машины и тот невыносимо приятный, но до боли терпкий запах пребывания человека, или двух людей, которые только-только догадались о чем-то гениальном и живут ещё этим. Как живет малый ребенок, когда ему говорят, что дед с бородой-это главный волшебник. Такое ощущение, что у Ни свет Ни зари с Женькой во время их чуть скудного пикника родилась какая-то небольшая идея. Что ж, вызовем кинологов, чуть подождем, и, быть может, собаки выведут

Глава 11

Дело в том, что ребята достали свою карту. Это не была карта, которую достают матерые туристы, заблудившись в горах Норвегии. Это была карта иного характера. Она скорее походила на рисунок копировальной бумагой, когда будущие новосельцы рисуют план своих апартаментов. Ни свет Ни заря и Женька достаточно сильно заморочились над изображением своей карты. Ведь они и вправду перенесли, ещё в квартире, будущий дизайн поездки, сравнивая его с созвездием Большой Медведицы и делая параллельный перенос. И то, из скольких звезд состоит мишка и означало, сколько остановок будет у ребят по дороге до Антарктиды. Совпало так, что первой звездой при переносе оказались Бермудские острова. Идея, которую столь сладко распевали, глядя на волны прибоя, обещающего им принести паром, ребята, состояла в том, что, возможно, Ни свет Ни заре, да и Женьке, если согласится его семья, следует переменить климат и поехать жить на Бермуды. Ну а если не на Бермуды, то точно на какие-нибудь другие (чем хуже остров Святой Елены или Мадейра), ведь много приятнее грустить там, при желтом песке и теплом море, чем здесь, во Франции, при белом, холодненьком, и одинокой мельнице на фоне экономического подъема страны. Попивая мате, который так же, как и до-

миниканский кофе, продавали в магазинчике на углу Парижа, Ни свет Ни заря до того замечталась, что готова уже была натурально продать свой исторически-ценный дом во Франции и переезжать. «Но-но-ответил ей Женька-а ты обо мне не подумала? Что скажут мои нервные клетки, когда узнают, что я больше не смогу радовать их видами Эйфелевой башни из окна?» И Ни свет Ни заря отвечала: "Но ничего, мой милый друг, ты сможешь их радовать видом настоящего моря, порой даже щекотать, купаясь и уплывая от очередной акулы или всплывшего вдруг самолета, желающего тебя съесть».

Так, за разговорами и прибаутками, то бросая камешки в пучину мирового океана, то на спор собираясь за ними плыть, то напротив отговаривая друг друга от каких-нибудь глупых действий, которые хотелось бы совершить ради наживы, ведь деньги-не главное, они дождались наконец своего парома на Бермуды. Пункт погружения на паром был не здесь, а чуть вдалеке, быть может, километрах в пяти от этого места. Сначала засобиравшись, потом-долго и поочередно выталкивая автомобиль из песочного плена, в который он умудрился попасть, потом ещё объясняясь с пограничником, ребята в итоге затащили так, что еле-еле успели на корабль. Причем успели последними, как это бывает в хороших голливудских фильмах, где машина разгоняется, и в полете, сходу, залетает на закрывающуюся стоянку. Ни Ни свет Ни заря, ни Женька давно не испытывали таких сильных, ярких и по-

ложительных эмоций, наверное с того самого момента, как кончилось их иркутское детство. И эта проблема встает одиной пальмой в сосновом лесу интересных проблем, которые случаются с нами в жизни и которые мы замечаем, сажая их там. Почему, будучи детьми, мы все имеем определенные планы на светлое будущее, и буквально знаем наперед, что бы мы делали, будь взрослость с нами завтра: стали бы космонавтами, полицейскими, пожарными? И при этом по вечерам так же с Колькой из соседнего двора и Машенькой, таинственной незнакомкой из скверика выходили бы поиграть на детской площадке. Почему, становясь взрослыми, мы перестаем думать об этом вовсе? Почему, становясь взрослыми, мы впускаем в голову всю эту политику, споры, ссоры? Быть может, проблема вовсе не в том, что дети по обыкновению своему слишком наивны и глупы, а как раз наоборот, в том, что мы с вами по мере роста претерпеваем какие-то не совсем понятные изощрения и начинаем мыслить цинично и предвзято? Вы скажите, что то сами уроки жизни влияют на нас. Конечно, куда уж нам быть веселыми, когда мы похоронили не один десяток человек и сменили пару-тройку работок! Но ведь дело в восприятии. Ведь если умирает какой-то человек, ребенок, конечно, как и все грустит и плачет, но разве после этого он не перестаёт сторить кулича в песочнице? Не перестаёт. Просто почему-то стало так принято, что со временем, в прямой пропорциональности от того, насколько много бед уже стряслось, мы должны всё глуб-

же и глубже меняться. Не должны. МЫ сами это придумали.

Ни свет Ни зря и Женька сидели на палубе уходящего почти вникуда парома, ведь так нечасто в нашей жизни мы получаем действительно стоящие шансы на то, что бы пере-ехать. И жизнь, как порция сладкого арбуза, которую выставили на стол не для нас, ведь она не является чем-то одним. В это же самое время она является и дыней, и тыквой, и хлебом с молоком. В это же самое время она не является только стремлением к деньгам, междуусобицей в военном положении, мечтанием, путешествием, контрольной. И жизнь никогда не перестанет штормить, именно потому постоянное счастье в нашем его понимании никогда не возможно. Нужно привыкать жить с ветрами, с постоянным осознанием того, что чего-то не успеваешь, ломается, и даже если именно сейчас все хорошо, то с пониманием, что все может измениться.

Они пили холодный кофе глясе, глядя вслед уходящим волнам, глядя вслед всему своему прошлому. Так, наверное, кроманьонцы глядели на обезьян перед тем, как начать эволюционировать. Машины на автомобильной палубе за счет брызг уже успели приобрести тот морской характер, который принимает всякая машина, освежаясь, если её пронести через шторм и при этом не потопить. Новенький Рейндж Ровер в своих отблесках цвета Солнца казался только лучше

оттого, что его окружали уймы брызг. Женька отошел к панорамной палубе. Он встал, глядя на ещё не севший в небе кусок солнышка. У Женьки была такая привычка: ещё в армии, когда все его сослуживцы собирались идти курить, он никогда не следовал их привычке, а отправлялся на пробежку по живописным местам Иркутска. Ведь никотин-в первую очередь наркотик. Так и для Женьки пробежка была своего рода дурманом. Вот и сейчас он встал на панорамной палубе, чуть вдали от всех тех, кто курил. Но Женька рос, и однажды он перестал именно бегать. Он стал бегать все больше глазами, как какой-нибудь новенький дрон, которому дали боевое задание. Он тренировал зоркость, ведь даже в армии его прозвищем было «Ястреб», и он лучше всех стрелял из ружья. Он не перестал бегать, но хотя бы то, что жизнь, за неимением больше свободного времени, заставила его переключиться, как раз и было главным доказательством бытия ветров. Женька смотрел, как засыпает закат, и напевал ему под нос колыбельную. Закат укрывался одеялом, переворачиваясь с бока на бок, и был сильно благодарен Женьке. К нашему герою подошел какой-то морячок. Как оказалось позже, то был капитан корабля. Он тоже, как и все вокруг, достал сигарету. Вообще, человек-существо стадное. И как только я понял, отчего зевают люди, меня уже стало в этом не переубедить. Придумай вместо сигарет кто-нибудь в прошлом другое развлечение-игру на губной гармошке, люди бы дружно стали в перерывах между работой бегать и играть. Морячок достал

сигарету:

-Хорошая погода, друг. Пожалуй, в этот раз доедем спокойно.

Женька посомтрел чуть стремительно, со своей уже привычной другим, но ещё непривычной моряку остротой ястреба. Женька не то что бы не был настроен сейчас на разговоры, но испытывал скорее такое чувство, какое испытывает человек, когда думает-спать ему или нет, и в итоге соглашается остаться и смотреть фильм еще два часа.

-Хорошая мина при плохой игре, товарищ. Что у тебя случилось?

Капитан, конечно, не привык к этой стремительности, а потому даже поперхнулся незаметно для других (всё же он капитан) порохом. Но он был в первую очередь моряк, к тому же человек суровый, чего, быть может, и нельзя было сказать по первому впечатлению, но на что нам эти ложные первые впечатления, а потому ответил все, как есть.

-В последнее время я стал чаще присматриваться к морю. Говорят, так старцы всматриваются в облака, пытаясь узнать перед смертью, есть ли там рай или это враки. Но я капитан, и я уже смирился, больше того, успел сродниться

со знанием, что умру вместе со своим кораблем. Так и я стал всматриваться в волны моря. Я стал чаще видеть разных рыб: дельфинов, акул, ненарочито-выкаршенных в малину спрутов. Они мне все напоминали какую-то одну вещь, и я долго думал: «Какую?» То мне на ум приходило, что это, должно быть, тяга к искусству, то, что старческая депрессия, если не маразм, то ещё что-то. Но в итоге я просто понял-это стремление оставить след после себя. Я понял: ведь ещё со школьных времен, когда я успел закончить коста-риканскую школу, живя в семье простых рыбаков и плотников, я всегда мечтал построить подводный город. Теперь я понимаю, что, как человек, откладывающий что-то на лето, видит, как его ужалила первая июньская оса, так и я, ужален безвозвратно своими годами. Мне больше некуда отступить. Я, как медведь, которого жизнь загнала к самому краю. До пропасти мне остался один шаг. Но я долго шел к этой пропасти, сражаясь за каждый сантиметр своих побед. Я многому научился за это время, и, как загнанный медведь порою делает уму непостижимые вещи, так и я для жизни сейчас опасней всего. Но мне нужно многому научиться.

-Продолжай капитан, мне интересно. Порою я нахожу в строчках твоих фраз самого себя.

И капитан продолжал, закуривая уже если не третью, то точно четвертую сигарету.

-Я понимаю, что мне надо многому учиться. Но я сделал корабль своей семьей, а семья, как водится, всегда занимает всё свободное пространство и время. У меня просто не хватает часов на то, чтобы одновременно заниматься спортом, плавать и нырять по утрам, учить английский, для того чтобы поехать в престижное училище, писать книгу, которую я оставлю для жителей своего будущего города, и любить корабль. И я уже в сотый раз срываюсь, а время всё идет и идет, и скоро, похоже, уже не будет возможным мне, только если я не помолодею, достигнуть мечты моего прошлого. Что мне делать?

И Женька отвечал, перед тем долго изучая первые краски ночных звезд, расположение Юпитера, Сатурна, Марса, различных созвездий... Он говорил:

-Ты видишь звезды? Они стоят, развалившись в своем величии и великолепии, и уж, конечно, ничего не делают, кроме того, чтобы появиться на свет ночью, посветить и после усвистать домой. А между тем, скольких людей именно они вдохновили на самые светлые поступки в жизни? А вот летит китайский фонарик. Уж и не знаю, кто его запустил, зачем, но скорее всего для того, чтобы порадовать близкого. Быть может, как раз вдохновить такого, как ты, на эти благородные поступки. А между тем, именно над фонариком ты

возьмешь и просто посмеешься, удивляясь нелепости потраченных на ветер денег. Так и в жизни: никогда не стремись к финальной цели своего мечтания, как к финальной цели. Тебе нужно поставить другую цель, чтобы стремиться к ней, и тогда ты достигнешь первой. Конечно, Марс и Венера далеко не такие жирные разгильдяи, коими я их описал, но у них просто другие, быть может, более глобальные цели. Может, они приходят сюда, чтобы их детям звездное небо не казалось слишком пустым, чтобы они не плакали. Они делают благое деяние, а результатом, как по цепочке, является ещё череда таких деяний. И в итоге человек радуется лишь оттого, что ему светит Марс, и пишет гениальную поэму...

Глава 12

Кораблю предстояло идти четверо суток. Ни свет Ни зоря, а после и Женька пообвыклись уже с тем, что погода в это знойное январское время не перестанет радовать своими проливными дождями и штормами. Пока ещё ни за один день не случилось такого, чтобы солнце светило постоянно, с утра и до вечера, лишь, быть может, уходя на перерыв на обед. Хороша сила полуденного сна, и я буду возвращаться к этому снова и снова. Как не надоест человеку смотреть на снег после первого зимнего снегопада, так и я, пожалуй, уже всегда, приходя домой буду неизменно ложиться спать на часок.

Существует в жизни определенная истина. И она достижима. Как Луисиан сейчас был по дороге в Москву, до чертиков наплевав на то, что остался без талисмана, так и Дионисий вдруг озарил самого себя неожиданным Солнцем: "А собственно говоря, зачем это мне бежать за чудиком на край света и отдавать ему его дурацкий талисман? Скорее, пусть это послужит ему хорошим уроком на будущее. Быть может, тогда он наконец повзрослеет и перестанет связывать всю свою жизнь с талисманом.." У вас, дорогие читатели, наверное возникнет вопрос: "Куда это там намылился Луисиан?" Тем более, что все мы с вами вобщем-то и забыли, что существуют помимо наших основных героев ещё и второстепенные, уже точно забыли то место, где мы с вами оставили Луисиана. Но он человек пробивной, и, несмотря на свои немного странные ценности жизни, имеет одно правило: постоянно улучшаться. Вот как если бы вы работали дворником и понимали: повышение оклада уже всё равно не грозит, максимум-отправят в какие-нибудь более благополучное по светским меркам место, где, впрочем, мусора бывает ещё больше этого, но всё равно под конец рабочего дня видели кучу мусора у подъезда и бережно её убирали. То есть, Луисиан понимал, что смысл жизни во многом находится именно в работе. И именно когда человек начинает испытывать грусть, легкую тоску, или просто то невесомое состояние,

когда хочется повеситься в лучах собственного бесславия, то это лишь означает, что, продолжая делать всё прежнее чуть больше, чем до степени, когда из груди отчаянно вырвется полный истощения крик: «Не могу», всё наладится. Больше того, человек просто станет счастлив.

А Луисиану, в тот день, когад мы его оставили, было довольно плохо. Чего стоит только тот факт, что он напрочь запутался в себе и при вопросе: «Что ты любишь больше: право или лево» начинал уже думать над самим вопросом, прежде чем четко понимал, что стоит думать скорее над его целесообразностью. Но большинству поступков, что мы совершили в жизни, уже не суждено будет вернуться. И, похоже, в этом и есть наслаждение. А потому на вопрос: «Что ты любишь больше: право или лево?», Луисиан в этот раз ответил тому мелкому торговцу чем-то непонятным, крошечным и просто ярмарочным, что скорее любит, когда, куда бы ты ни пошел-направо ли, налево, всё равно придешь ровно к своей поставленной цели и жизнь с тобой сделает такой замкнутый круг, что... Ну что ты как бы попадешь по спиральному серпантину на вершину горы и оттуда увидишь её подножие. Ровно на том же самом месте, где ты стоишь и сейчас, но, пожалуй, тысяч на пять метров выше. Если вообще увидишь. Но при таком желании уивидеть возможно всё. Торговец, как это бы сделал любой человек, услышавший подобную ересь на парижском базаре, но желающий всё же про-

дать товар, ответил не менее скрытным и завораживающим тоном: «Не поплыви, друже, против течения. Оно, конечно, хорошо, когда ты работаешь, пока все вокруг плачут, но плохо, ой, будет плохо тому, кто станет лечить твоё заштопанное сердце. Иди лучше знаешь куда. Иди в Кари-ибы.» Луисиан подумал: «Они, что, сговорились тут все что ли?»

Дело в том, что ещё недавно, совсем, совсем ещё как будто вчера, когда он слыл ещё самым высокооплачиваемым Дедом морозом Италии, Луисиан, сидя после очередного выезда на работу в предутреннем кафе, на самой веранде, смотрел на идеально гладкую, чуть золотистую пленку бархатного моря и слышал: «По результатам последнего опроса все жители Земли, имей они такую возможность, из мировых морей отдали бы предпочтение Карибскому". А между тем, вот он, Луисиан, свесив свою чуть порусевшую от палящего солнца бороду вниз под тесный металлический столик, сидел в Италии, совершенно один, как будто гиганский спрут, котрый переел всех на свете и теперь осматривает плоды своего труда, и буквально вместе с чаем, хоть и глазами, выпивал холодное Средиземное море. Так Луисиан познакомился с Петрупавиусом.

Петрупавиус, или лучше просто-Петри, сразу, как только Луисиан вставил замечание про итальянское море, развел

руки в стороны, как это умеют делать только итальянцы и нашел в Луизиане почти что земляка, почти что брата и чуть ли не Папу Римского. Так Луисиан и Петри начали заниматься мастеровым делом где-то в недрах парижского рынка а так же продавать тесненные столики, диваны из какого-то меха, персидскую ткань... Петри был рад, потому что нашел себе нового напарника, а Луисиан-потому, что сможет вновь перестать скучать. Все-таки, в первую очередь, Луисиан был рабочим человеком, и что уж и говорить, сколько удовольствия он получал бы, работая тем же самым дворником, хоть бы даже и автомобильным дворником, видя, как много сегодня он убрал воды и при этом не устал. Ни капельки:)

Всё у них стало хорошо. Луисиан наконец осел, чего он так долго добивался в жизни, не находя себе раньше места и дома в поисках своего отца. Он стал жить на какой-то мансарде под крышей главного здания. Летом там было бы хорошо встречать рассветы и кормить голубей. На удивление зимой там можно было просто хорошо встречать рассветы. Почему-то в этот январь все парижские голуби полностью исчезли, куда-то запропастились. Они как будто принялись переезжать вслед за своей хозяйкой, Ни свет Ни зарей, которая так часто по утрам кормила их у подножия Эйфелевой башни. И это не игра слов и не игра мыслей. Ведь и действительно, даже когда мы не знаем, что мы кого-то вдохновляем на жизнь, мы всё ещё вдохновляем его, быть может, даже боль-

ше, чем когда бы то ни было прежде. Вот прямо как Марс и Венера. Всё стало идти у Луисиана хорошо. Вот только одно чувство не покидало его чуть разморившуюся от странных мыслей голову: он всё время вспоминал Дионисия, как будто тот переселился к нему в мозг, как будто он что-то ему хотел сказать или как-то помочь, или просто он не смог что-то сделать и попросил Луисиана о помощи. Что-то таранное, какая-то тяга к Москве всё время знобила в пылкости чувств Луисиана. Хотя он никогда не бывал в Москве, больше того, в отличии от Аргентины и тех милых пастбищ, о которых он мечтал, ещё будучи ребеночком, он никогда не мечтал так о куполах московских соборов. Но раз надо, значит-надо. И Луисиан стал продолжать жить там, на мансарде, по утрам встречая рассветы, а после долго рабочего дня провожая закаты за прочтением какой-нибудь здоровской книги о Земле. Он жил и постепенно смирялся с мыслью, что ему предстоит поездка в Москву, как и с той мыслью, что ему больше никогда не увидать своего талисмана. Но смирение это было приятным, ведь в жизни вообще любое смирение, только если оно не слишком тяжело для души или сердца, приятно. Хотя бы оттого, что смирение позволяет понять: можно всю жизнь прожить на едином клочке земли, ничего не ведая, и быть счастливым.

Жизнь всегда диктует нам свои правила. И если получилось у жизни сделать что-то весомое, выбрать тебя председателем колхоза, сделать так, чтобы в лотерее выиграл именно ты, так и знай-тебя выбрала нива жизни. Ну а если нет-так тут уже мало чего можно сделать. У Луисиана и правда, похоже, дела пошли в гору. Работая вместе с Петри, он стал в итоге получать такие деньги, которые не получал за простую работу никогда в жизни. Да, это вопрос из раздела «На что бы вы потратили свои сбережения?», но именно сейчас хочется жить согласно Пирамиде Маслоу. И если жизнь поставила тебя на вершину её счастья, то уже ничего не изменишь. Уже вряд ли будешь думать о чем-то более приземленном, чем массовое искусство. Парадокс, но потому, что Луисиан стал зарабатывать, он стал по-другому смотреть и на мир. Но от того, что он начал смотреть на мир по другому, он стал смотреть по-другому и на способ своего заработка. Так повзрослевший человек с непреодолимой грустью смотрит на детские рисунки и свои любимые мультики, которыми он раньше увлекался. Он вспоминает о своих приземленных, но оттого и уникальных суждениях о жизни, и уже не может не понять, что мало что можно будет исправить. Луисиан начал одевать стильные костюмы, играть в шахматы, вступил в клуб литераторов, а после и джентельменов, стал ходить в театр по воскресеньям, от излишка даже приобрел себе очки, такие маленькие авиаторы, которые ещё не выдавали в нем постаревшего человека, но уже шли ему так, как

идет запах спелости яблокам. Луисиан старался не обращать внимания на перемены в своей личности, понимая, что выбор у него есть только до времени, пока позволяют обстоятельства, и что как судьба наделила его богатствами, так же просто она их у него и отберёт. А потому, пока пошел клев, ни в коем случае нельзя было покидать место рыбной ловли. Он относился к работе, как к дани его преслуовутой жизни, краем глаза понимая, что если в такой ситуации, когда у него есть всё, чего бы он ни пожелал, он до сих пор думает, как ему плохо, то он находится как недоваренная рыба не в своей, красивой тарелке. Луисиан долго терпел муки совести, менял и способы своего отношения к жизни: начинал играть с самыми фундаментальными вещами, такими, как сон, еда, потребность в общении. Всё это выглядело, как если бы вашего кота одели в дорогие шубы и стали постоянно тискать. Кот бы непременно сбежал. Почему? У всего есть предел своей природы. Луисиан так долго пробовал хотя бы на время забыть, что что-то может быть по другому, что в итоге как-то под вечер всё же забыл, сидя на террасе своей комнатки. Забыл и испугался настолько, что в этот же день сбежал. Да, не доводят, да и никогда не доводили до добра излишние деньги. Ведь это как естественный отбор. Попросту говоря, для людей, которые имеют лишние деньги, его как будто бы отменили. Так чувствует себя тигр в клетке, и даже не потому, что вместе с приездом в зоопарк у него забрали его свободу, а скорее потому, что, перестав добывать

себе пищу сам, он потихоньку сделался рабом человека и перестал считать себя хищником! Но природу не обманешь, и как же здорово чувствовал себя Луисиан, развевая на ветру свой самый модный пиджак, выкидывая эти уже надоевшие полностью очки, снимая на ходу даже обувь, которую ещё сам же пару часов назад чистил. Да... Так не бегут от дикого зверя, но так бегут от себя. Зачастую так бегут, потому что слишком поверили в себя и перегнули палку своих возможностей. Вот и Луисиан, кажется не находя в жизни попросту ничего приятнее, купил банку Елисейского меда, сел на поезд дальнего следования, и, как ребенок ковыряется в узоре обоев на стене, так и он сейчас стал в ней ковыряться. Что ж, в жизни любой исход без натяжки можно считать исходом. Так значит, она нам лишь показывает: возможно всё, и, если хочешь идти, то иди. Вот Луисиан и пошел, больше не в силах терпеть, и ему стало значительно легче. Но это не значит так же, что следует уходить в случае любого недовольства или сомнения. Нет. Ведь так же и в море. Не любая, далеко не любая волна станет штормом. Ей на это нужны действительно серьезные причины. Я бы сказал: «Вообще лучше всегда оставаться, чем уходить, ведь, по крайней мере, останься ты, и никто не скажет, что ты предал. К тому же, чтобы уходить, надо постоянно быть на чеку и разведывать новую местность. Да, много платят разведчикам, правда, порою посмертно. Но уж если пошел, так иди до конца. Беги и не оглядывайся, убегая от самых серьезных и опасных пре-

пятствий, как от трактора, который в метель следует по тротуару за человеком. Беги, не оглядываясь, ведь и тротуар когда-то закончится, и у трактора когда-нибудь перестанет поступать бензин, но только ты, как вечный двигатель, будешь сам всё дальше и дальше прокладывать себе дорогу, воспроизводя тротуар четко впереди себя, но как будто уничтожая его в то же время перед трактором.

Что ж, и если тебе не нравится жизнь, начинай играть с самой жизнью. Она всегда, что бы там ни говорили, любила смелых. Жизнь, как строгий, немного ополоумевший начальник, который от одного и того же поступка, в зависимости от настроения, может сделать вас либо первым, либо послать в далекое путешествие, чтобы вы умерли там от меча. И вы пойдете. Как преданная собака, которую неожиданно предал хозяин, понимает, что идет на верную смерть, но всё же идет, по наитию, по привычке, хотя бы потому, что хозяин ещё ни разу её не обижал. И всё когда-нибудь будет в первый раз, так значит, Луисиану нужно есть аккуратно свою банку с мёдом. Так можно заработать и сахарный диабет, учитывая то, что в последнее время, там, на рынке, в этот своём раю он решил перестать есть сахар и мясо. В конце-концов, Луисиан может просто пресытиться сахаром и подумать, что уже давно он так же присытился и жизнью. Но обманчива жизнь в своем отрицательном проявлении, а потому очень часто, когда кажется, что всё уже давно про-

пало, не стоит всё же посыпать голову пеплом. Быть может, жизнь просто забыла про вас, и следует ей, как в том известном анекдоте про фортуна, дать пинка, чтобы напомнить о вас. Возможно, она повернется и сама извинится. Но никогда не падайте духом. Дух-это вещь, которую не сделаешь полностью неизменной, так значит, намеренно занижая его из-за отсутствия воли, мы лишь потсупаем, как поступает маленький мальчик, обрывая листки у куста. Вырастет, ему не убудет, но вот в данный момент, на какое-то время, это всё может изрядно попортить что-то, что мы называем настроением. Да и что такое собственно настроение? Это лишь показывает того, насколько мы портим свою жизнь. Именно потому не бывает никогда идеально чистого, радостного настроения. Как не бывает единой истины, не бывает снега триста шестьдесят пять дней в году, не бывает барбарисовой воды со вкусом клубники. Но и здесь, и там то и дело всплывают натяжки, сравнения. Так похожа порою Венера на Луну, что смотришь, и дивишься: «Да где ж я жил такое количество времени!» Но покемаришь, покемаришь, а тут уже и утро, и снова пора вставать, так значит, всё пойдет своим чередом, если у вас только есть своя банка меда.

Не держи в себе, о, милый друг, не держи в себе. Луизиан так и ехал на своем поезде. Почему-то поезд для многих людей-символ прогресса. Что ж, не будем спорить с большин-

ством. Безусловно, Луизиан ехал навстречу своему прогрессу. Он находился сейчас в таком состоянии, которое можно описать всего двумя словами: старый дуб. Вы когданибудь гуляли по милой, доброй аллее, например в вашем любимом парке неподалеку от дома? Вы когданибудь встречали рассвет на берегу Сены в обществе лишь голубей и дубовой рощицы? Поистине дуб-непрекращающийся символ жизни. Как будто кольца жизни именно на этом дереве, в отличие от других деревьев, при срезе изгибаются так, что образуют знак бесконечность. Безусловно, дубы красивы. Но так же красива и Эйфелева башня, хотя каково ей при этом? Чего только стоят её муки оттого, что она видела происходящее с Ни свет Ни зарей всё это время? Но именно так закаляется сталь. А потому и пожухшие осенние листья из всех деревьев у дубов самые шершавые. Не существует на свете такой рощи, которая бы видела больше рассветов и закатов, расставаний и голубей, чем старая парижская дубовая рощица недалеко от сгоревшего Нотр-Дама. Возможно, оттого, что она долго живет. Возможно, людей просто притягивает сила дуба, и все самые интересные поступки происходят под его кронами. Но трогали ли вы когда-нибудь кору погрубевшего дуба? И ведь недаром говорят: «За-ду-беть». Ведь значит, что-то это, да значит. Так вот, если не трогали-потрогайте. Если бы я когда-то погладил крокодила, то сказал бы, что погладить дуб-примерно то же самое. И все потому, скорее всего, что дуб принимает на свою грудь больше других деревьев. Он

принимает больше ветра, света, чувств, тревог, барханистого песка, приносимого ветрами Калининграда, знаний. Но дуб-сильный. И как железные колеса маленького, поржавевшего вагончика где-нибудь на полустанке в Алушке стремительно прокладывают себе обратный путь, лишь закаляясь от перепадов температур и силы тяжести, так и сталь души дуба закаляется в соответствии со временем.

Но как-то раз, ещё в Италии, Луисиан набрел на дубовую рощу во время грозы. Снизу текла река. Стояла теплая летняя ночь, настолько, насколько только может быть теплой ночь, которую разбивают душераздирающие крики грома. Луисиан шёл, светясь от счастья, с недавнего ночного свидания. Ему было восемнадцать. Но вдруг гром ударил в дуб, совсем маленький дубик неподалеку от речки, что-то треснуло, скрипнуло, развалилось, и только ветер отпел в ночи пропажу протяжным ураганистым свистом. Луисиан же даже и не обртал на это своего внимания, будучи в сладкой истоме меда. Так и жизнь может не заметить нас, сопротивляющихся, когда нас раздирают изнутри разные переживания. Но мудр тот дуб, что придумал переплетаться ветками. Мудра природа. Не держи в себе, поделись лучше с тем, кто тебе прямо сейчас попадется под руку, или прими за знак судьбы тот факт, что поделиться не с кем. В таком случае природа уже посчитала тебя сильным. Так продолжается эволюция. Если часто поливать персик, он пресытится. Если долго не

срывать папайю, она протухнет. Но именно из чуть перезрелых плодов получается самый вкусный компот. Делвь выбор. Именно сегодня проведи эксперимент, поделись, не держи в себе. Не должно больше в мире быть страдания.

Глава 14, Алькаид

Чем бы дитя-природа не тешилось, лишь бы погода не была уж слишком опасная. По мере того, как добирались до Бермудов, пережили столько штормов, сколько, казалось, ещё ни одному человеку в жизни за раз не удалось пережить. И если на борт этого потрепанного, и всё ещё выдавшего и не такое корабля заезжали на новеньком, еще непонятно-не бракованном ли Рейндж-Ровере, то выезжали уже точно на матером, загорелом и немного грязноватом джипе-первооткрывателе. Бермудские острова одновременно и славятся, и не славятся своими окрестностями. Наверное, это последнее место для людей, которые выбирают спокойный и комфортный отдых. Но только не для Ни свет Ни зари с её братом. Уж если выбрали приключения, да тем более-ехать до Антарктиды, так значит-нечего отступать перед трудностями. Так человек, решивший не спать всю ночь, с пренебрежением смотрит на сильный позыв ко сну в девять вечера. А впрочем-на Бермудах и правда было, на что посмотреть. Начнем хотя бы с того, что представляют из себя эти Бермуды. На самом деле, Ни свет Ни зари и Женька тоже толком этого

не знали, возможно только поэтому они так резво и так бесстрашно добрались на полупустом пароме в пункт назначения. А посмотреть здесь было и правда есть на что. Чего стоят только те ручные акулы у пристани, которые принадлежат какому-то бойкому местному мальчишке и которые, как выясняется позже, расположены на пристани только для того, чтобы порадовать вновьприбывших колоритом местной флоры и фауны! Да. Вот так вот. Неожиданно и просто. Навивно бы было думать, что корабль, который заказал Женька для Ни свет Ни зари, вместе с его хозяином, живущим на Бермудах, действительно окажется на Бермудах. Что ж, не мудрено, что хозяин, который, впрочем, уже взял предоплату с Женьки за столь дорогостоящую экскурсию, забыл приехать из Исландии. Дело в том, что желающих прокатиться до Антарктиды и обратно сейчас было мало, ибо не сезон, и морячок, чтобы не обанкротиться, держал ещё обезьянью ферму в Аргентине и маленький коттеджный поселок в Исландии. И вот сейчас он находился в Исландии, обещаясь прибыть дня через два, как только объявят летнюю погоду. Похоже, сейчас над всей атлантикой бушевала стихия. Она была похожа на душу крабика, который вышел сейчас из воды на белопесчаный пляж, чтобы пойти и разведать новую жизнь, и разволновался от увиденного и ещё предстоящего, так, что буквально затмил себе солнце клешнями от волнения. На такого крабика были похожи и Ни свет Ни зари с Женькой, впервые выбравшиеся столь далеко и увидевшие

друг друга полностью загоревшими. Они сидели сейчас на берегу только-только переставшего штормить океана, оставив машину где-то позади, на портовой парковке, как вещь, которая здесь хоть и пригодится, но ещё не сейчас, и, разговаривая о чём-то и думая каждый одновременно о чём-то своем, глядели на запад. Где-то там, позади, остался и Иркутск с его морозными мандариновыми зимами, где-то там остался и гламурный Париж, казалось, с каждым порывом ветра всё больше и больше надувавший свои толстые губки, там осталось и всё-всё-всё, что когда-либо в жизни могло сдерживать свободного по своей природе человека. Даже самые любимые туфли Ни свет Ни зари, а ещё её манера одеваться, говорить и мыслить-остались там.

Они чувствовали уверенность в завтрашнем дне и неуверенность в прошлом. Они гадали сейчас: как будет развиваться дальше их поездка. Но таково главное правило жизни, и героям, в общем-то, совсем не нужно было переживать-после долгого застоя, безусловно, настанет сильный скачок. Так было всегда. Потеряв власть над силой, обезьяны обрели разум. Так и Ни свет Ни зари с Женькой, потеряв власть над самими собой, не в силах больше управлять поступками и не имея планов, текли к правильным берегам по наитию жизни. Сейчас, обретя, наконец, твердую почву под ногами, и уйдя достаточно далеко от всех своих старых про-

блем, они могли здраво мыслить. Могли планировать, применять, варьировать, чертить планы на песке, и пугать, а потом как-то гладить и так уже испуганного крабика, подражая пернатым попугаям и купаясь время от времени. Так бывает в любой жизни: если хочешь что-нибудь потерять-полюби. Если хочешь развиться-сдай планку. Возможно, это оттого, что лишь тяжелые условия, страдание, помогают нам развиваться. Ведь, как известно, сытый художник-плохой художник. Так значит, крепостное право сулит нам лишь полное процветание сил. Да, возможно медленное, медленнее, чем в других странах, но зато и более обширное и фундаментальное, ведь лучше месяц потратить на постановку плана, чем забежать вперед и сделать не то, что нужно.

Потихоньку темнело. И нет, то не был закат, столь неожиданно подкравшийся к лону жизни, это всего лишь снова надвигался шторм. Но Ни свет Ни заря перестала бояться. После того момента, как она поборола свой главный страх-увидеть шаровую молнию, она вовсе перестала бояться. Брат и сестра мило о чем-то болтали. По моему, Женька рассказывал, что в Иркутске не успел сходить на какое-то обследование для сердца, потому что один врач ушел в отпуск, а второй сам заболел. Тему подняли вроде как ни с того ни с сего, как оно и должно быть при разговоре с Ни свет Ни зарей, но дошли до состояния, когда сестра стала всерьез беспокоиться за здоровье брата. «Не беспокойся, сестра. Помнишь, так

говорил Емельян Пугачев устами Пушкина. Не стоит жить триста лет, питаюсь падалью. Лучше прожить двадцать, тридцать лет полной, свободной жизни". Так отвечал и Женька: «Сестра, не стоит жить под игом врачей, ведь у меня пока что не болит сердце. Так значит, всё в норме, и мы с тобой тоже в норме. Тем более, что мы не находимся в иркутской клинической, или психиатрической больнице на учете. Лучше прожить пятнадцать лет, не ведая, чем двадцать, претерпевая саму жизнь. Такова природа. Ни один зверь ещё не побеждал человека в терпении, если тот вдруг устраивал западню. Так и ни один человек не переждет природу. Что ж, надо-значит надо. Коровы в стаде уступают друг другу место, хоть и идут на водопой по рядам».

Ни свет ни Заря немного расстроилась из-за такого пренебрежительного отношения Женьки к своему здоровью. Но она его поняла, на то Ни свет Ни заря и была девушкой. Тем более, что она сама, частенько сидя в какой-нибудь пенной ванной по вечерам, драматизировала что-то на счет своей болезни, из за которой ей вроде как больше не оставалось жить. И имя этой болезни-вера. Действительно, надежда умирает последней. Заря же вообще никогда, по хорошему, не должна умирать. Наверное именно поэтому Ни свет Ни заря каждый день перерождалась. Почти каждый вечер её посещали грустные думы, но так же каждое утро она отбрасывала их прочь, стараясь начать жизнь с чистого листа

и просто радоваться Солнцу. Именно вера не дает больному человеку умереть, и только отсутствие веры постоянно приводит к смерти. Веры в то, что ты пока что силен и имеешь силы перебороть жизнь в вашем противостоянии за молодость и за территорию. Вера в то, что ты ещё не бесполезен, что ты ещё способен изменить мир и до сих пор не израсходовал полностью свой потенциал, вера в то, что можешь совершать безбашенные поступки, заставляет тебя жить. Ну, а несчастные случаи-это воля Божья. "И сколько же кораблей, похоже, потонуло в этом очередном шторме, захватившем Бермуды и просто всю северную часть Атлантики»,-думал Женька, потирая один острый камешек гальки о другой. Так интересно сыпалась оземь, стираясь, эта жизненная пыль. И ведь, если так посудить, то всё, даже бриллианты, золото, породилось из одной молекулы, или из одного Большого Взрыва. Тогда можно и себя назвать пылью. А пыль-своим братом. Женька вспоминал, как часто в детстве сбегал с уроков рисования, на которые его мама чуть ли не силком затаскивала, чтобы тот поменьше времени проводил с иркутской шпаной, меньше бегал на Озеро. Женьке всегда были противны эти старания. Но прошли годы. Ушла из жизни его мама, учившая его много чему хорошему, воспитавшая из него человека, ушла из жизни и та шпана, провалившись однажды под лед на Озере. И Женька стал любить рисовать. Хоть он и не умел рисовать, но из раза в раз оттачивал один и тот же рисунок. То была веточка лилии и милое, почти из детства, мамино лицо.

Она часто приносила эту лилию летом у себя в волосах, как иные приходят с поля с букетом ромашек. Она часто говорила Женьке, что лилия-это символ её любви к нему. Никто на рынке тоже не понимал, зачем и для кого она каждый день покупала лилию, но она то знала, что получится обязательно красиво. В последнее время Женька стал рисовать и другой портрет матери, она как бы плавно перетекала в образ сестры, которая была меньше и уже не смогла научиться у матери всему-всему, чему так нужно всем нам поучиться у матери. Женька рисовал Ни свет Ни зарю с веточкой алое за ухом. Хоть он и видел, что не всё так гладко и с сестриным физическим здоровьем, что время от времени она проходит какие-то непонятные обследования, но сейчас хотел выручить её хотя бы ментально. Скоро ушли спать. С наступлением рассвета у Женьки всё лучше и лучше получалось вырисовывать веточку. Она буквально благоухала. И Ни свет Ни заря вдыхала её запах, лежа на гамаке на берегу моря и улыбаясь, а Женька, как бравый солдат, рисовал и охранял её сон.

Глава 15

Раскрывая гамак на следующее утро, потому что Ни свет Ни заря умудрилась во сне закутаться и упасть прямо на похолодевший за ночные штормы песок, Женька напевал под нос какую-то не то старинную, не то наоборот, им же и сочиненную мелодию. Насколько же велико различие между

мыслями одного и того же человека в разное время. И я даже не беру длинные временные отрезки. Всего лишь выпавшего и невыпавшего человека. Это как всё время лежать на пляже, только одно время лицом вверх, к небу, а другое-туда, в песок. Феноменальная разница. Так вот, выпавшись сейчас, Ни свет Ни заря стала настолько по другому разглядывать весь окружающий её мир, и Женьку, и крабика, что на время ей показалось, будто они снова куда-то переехали. Скучала ли она по своим Парижским хоромам? Безусловно. Но кто не скучает, тот не живет. У человека всегда должно быть чувство постоянного ожидания. Предвкушение-довольно сильный наркотик. В понедельник человек должен предвкушать, как всю рабочую неделю станет гулять по дороге домой, а в пятницу-как будет отсыпаться на выходных, в середине дня-как будет заниматься йогой вечером. В детстве, в конце концов, как начнет наконец кататься на собственной машине и ходить по магазинам один. «Алеет закат-декабрь, имбирного цвета синь, мне ни о чем не надо ни у кого просить»,-примерно такие строчки, наверное, мелькали в голове у опьяневшего от свободы крабика. Он уже пообвыкся с тем, что, поворачиваясь каждый раз в новую сторону, больше не видит одно и то же, а видит всё время что-то разное и новое. Веселы школьные учителя и школьная программа. Они хотят научить нас систематике, но делают это несистематично. Да и как в принципе может быть полностью отлажен школьный процесс? Всем ведь заведуют люди.

Но если бы меня все же спросили, для чего нужна школа, то я ответил, что школа-это в первую очередь фольклор. Но фольклор, в котором главную роль играют нервы. Похоже, образование специально устроено так, чтобы люди понимали-неловкость от скуки. И тогда становится понятным-отчего среди подростков столь много неловких людей. Всё очень просто-заменив костры и приятный треск искр на душные помещения и хмурые лица, как если бы собрались в ноябре и никто не умел разводить костер, не смогли и получить чего-то действительно стоящего. Но условия равны для всех. А потому учиться всё же надо, по трем причинам: это поможет тебе найти свое призвание, это будет радовать твоих наставников, твою семью, а ещё этим ты всегда теперь сможешь заработать себе на жизнь. Вот все думают: куда-то ушло дворянство. А оно никуда не ушло. Мысленные установки, столь долго сидящие внутри наших душ не могут уйти из них сразу. Так не поднимется сразу водолаз с глубины в два километра, даже если вы его позовете на помощь. Слишком велики перепады давления. Вот и сейчас продолжают у нас быть дворяне, а продолжают-и крестьяне. Поменялась лишь четковыраженная форма их взаимоотношений. Теперь это называется капитализм. Но люди всё ещё могут, лишь получив какое-то образование, как гувернеры в прошлом, а потом ещё одно образование и ещё одно безбедно прожить свой век, к тому же и обучая остальных, в чем заключается смысл жизни. А между тем-зря. Всем и так давно известно,

что смысл жизни заключается в родителях. И мигают мигалки жизни, пока Женька, в тайне от Ни свет Ни зари, ушедшей в бухту стирать вещи, пошел покататься на своей новенькой машине по неисследованной доселе местности. Всё шло хорошо, пока дорогу не стали переползать крокодилы.

У Луисинана пока что всё тоже ладилось. Попутчики особо не докучали, и он находил поездку на окаймленном асфальтом чего-то зеленого и чая поезде очень даже хорошей. В Бресте он пересел на исконно российский поезд дальнего следования. Сейчас проезжали мимо Смоленска, было около четырех часов утра и почти весь поезд ещё спал, хотя и здесь, среди русских, находились-таки ранние пташки, вставшие уже десять, если не двадцать минут назад. Луисиан пока что лишь нежился в постели. Он ещё не собирался вставать, хоть уже и открыл глаза, но скорее не чтобы спрыгнуть со своего второго этажа плацкарта и, зацепив ногой какую-нибудь жестянку, перебудить всех вокруг, а просто насладиться той волшебной атмосферой тайны, в которую попадает каждый, просыпаясь ночью в дороге в другой стране. За окном виднелись какие-то озера. Уж где-где, а в России-то точно пахло настоящей зимой. Ещё в Бресте, пересаживаясь с одного поезда на другой, Луисиан заметил не совсем обычную для его нюха силу мороза. Наверное, было около нуля градусов. Стоял конец января, и уже на завтра, вот-вот, должен был насту-

пить февраль-месяц. В общем, это оказалось ещё далеко не порогом минусовой российской температуры. Луисиан уже перестал надеяться увидеть тех лебедей и аистов из окна своего вагона, коих намеревался увидеть всё время по дороге из Парижа, лелея себя тесной надеждой, что Смоленск-один из самых южных городов России. Но тщетно. Никаких лебедей не было. Зато, насколько только мог видеть глаз, на сотни, тысячи километров вокруг, распластался слой толстого, тянущегося, как какой-то топленый шоколад, январского снега. Сейчас, в свете полной Луны и мириадом звезд он выглядел то так, то этак, и переливался всеми цветами ночной радуги сразу, как будто вместо солнца на небо поместили сапфир и теперь водили им туда-сюда в стороны. Конечно, сапфира не было. Не проживет долго сапфир в России. Это как ехать в лес на большой иностранной машине. Жалко, да и только. Напорется на какой-нибудь сук, завянет, поцарапается или попросту испачкается. Так и здесь. Не съест голодный медведь, выбравшийся зимой из спячки-так утащит к себе наверх ворона. Одним словом, невыгодно. Но зато вот так, как было здесь, когда казалось, будто кристаллы этого чуть более морозного чем надо для того, чтобы лепить снеговика, снега, будто отражались в блюдечке неба разными узорами, вот так было совершенно неплохо. Луисиан глядел в окно и видел всё больше лес, возвышающийся над скоплением звезд где-то на юго-востоке. Чуть левее и много ниже, должно быть, был Сириус. Но не видать Луисиану Сириуса,

как не видеть ему ещё много всего, пока не положенного ему временем и возрастом.

Что ж, в этом были определенные минусы. За счет того, что почти всю свою взрослую жизнь Луисиан провел в скитаниях, он ещё и не успел толком остепениться, зачастую в своих действиях был похож на крайне нелепого ребенка, максимум-заводного певокурсника. Он метался из стороны в сторону. Ему не сиделось на месте. Ей-богу, так поступают только взрослые после окончания института, неделю или две, или совсем взрослые после кризиса среднего возраста. Но счастье в том, что нет в этой жизни правильной дорожки. Безусловно, существует некая истина, но вот достигать её можно как раз-таки абсолютно разными путями. Счастье, что такие пути есть на любой дорожке. Например вчера, опять же в Бресте, когда надо было помочь женщине с ребенком поднять коляску, Луисиан, сам чуть поднатужившись, ведь у него и так было чересчур много вещей, вдруг вспомнил, как ещё недавно, точно так же помогал Петри, таская коробки с бананами. Первой мыслью Луисиана было что-то вроде: «О, как быстро летит время!». Но после он стал развивать свою теорию, и к нему в голову полезли более глубокие мысли. Выходит, в человеческом теле есть постоянные, неистраченные запасы энергии. Ведь, согласитесь, почти у любого организма, пусть даже не совсем и организма, всё ещё есть энергия для того, чтобы существовать. Даже

главный закон физики звучит так: «Энергия не берется из ниоткуда и не уходит вникуда». И эта энергия зачастую переполняет чашу нашего с вами сознания. Порой этой энергии в нас с вами так много, что она начинает портиться.словно ящик для отходов на производстве, который забивается под завязку. Его нужно очищать, и чтобы не вызывать механика, не ждать час или два, пока он придет, не вскрывать сам ящик, рискуя сделать его сломанным, лучше попросту сжечь эту энергию. Для её сжигания вряд ли подойдет умственный труд. Туда идут лишь самые сливки топлива. Мы попросту не можем за счет работы мозга покрыть энергией весь бак сразу. Здесь нужен непременно тяжелый физический труд. Ну вот, если вы пошли колоть лед около своего дачного участка, то вам наверняка откроется тайна израсходывания энергии. Хорошо помогает так же бег, готовка или уборка в комнате. Зачастую хватает двух или трех часов, но в идеале нужно работать столь долго, сколько потребуется, чтобы вы начали получать истинное удовольствие от работы. Количество времени зависит оттого, сколько в вас уже накопилось энергии. Когда вы потихоньку вычистите всю-всю эту лишнюю энергию, тогда вы станете постепенно получать удовольствие, будете рады, что до сих пор живете, да и в общем-то всему, что только может происходить. В том числе и выполнению своих целей. И все человеческие болячки, конечно, больше духовные, хотя зачастую и физические, зависят оттого, насколько много в вас этой плохой энергии. Неловкость, скука, де-

прессия, потерянная, лень, да и напротив-агрессия, злоба, в общем-то, почти все пороки зависят от неё. Честно говоря, весь смысл жизни заключается в постоянном поддержании на нуле этой энергии. Важно не давать ей уходить в глубокий минус. Вы спросите: «В чем прикол?» Но ведь весь прикол в том, что это нужно попробовать. Просто ощущая, что вы наконец потратили всю свою плохую энергию вы поймете, что это было действительно было чем-то, нужным вам.

Жить нужно для того, чтобы жить. Жить нужно так, чтобы была на нуле плохая энергия. Прислушайтесь к этой теории, дорогие читатели, она ещё наделает шуму в мире. По крайней мере, в головах тех, кто действительно сможет в неё поверить.

Глава 16, Мицар

Женька уже давно покатался на своей машине. Ему больше и не приходило в голову, что их с Ни свет Ни зарей путешествие может пойти не так. Казалось, то свежий доминиканский ветер, как дюну на пляже, выел у женьки ту часть лобной доли, что отвечает за сомнения. Экскурсовод приехал на следующий день после того, как Ни свет Ни заря заново родилась. Это было вечером, и его прибытию ребята так обрадовались, при том так засуетились, что уже часа через два плыли по непрекращающемуся в своих бушеваниях

атлантическому океану. Когда переложили созвездье Большой Медведицы на карту Атлантики, получилось, что точки, в которых на небе расположены звезды, идеально, как будто их высчитывали древние Майя, совпадают с некоторыми латинскими столицами. Например, самая дальняя от нас, та, которую почти все люди, имеющие плохое зрение, да и я вскоре, потому что начал так много писать, еле-еле видят, попала прямо в Доминикану. Женька и Ни свет Ни заря долго думали: как же они начнут развлекаться, когда им надо будет это сделать? Потому что ни тот, ни другая не были особенно волевыми людьми, и зачастую, если их просили что-то сделать, то это, только если это не было уж совсем по их части, могло вызвать у них эмоциональный конфликт. Так какой-нибудь подросток приходит на школьную дискотеку и не танцует. Ну, согласитесь, ведь глупо звучит: «Что ты делаешь для своего будущего?—Я иду танцевать». Безусловно, глупо, а между тем находятся люди, которые действительно приходят с этой мыслью и танцуют. Всё дело действительно лишь в том, что их испорченная энергия давно уже за бортом. Быть может, местный доминиканский ветер, как запах травяного чая или хвои в лесу, тоже обладает целебным действием и по мановению ветра снимает всю накопившуюся плохую энергию? Быть может. Тогда это многое объясняет. Так или иначе, ребята довольно скоро привыкли к новому ритму жизни, и как, наверное, чуть подвыпивший человек понимает всю крутизну своего пируэта, но всё ещё его дела-

ет, так и они как-то на автопилоте, сами не понимая, как у них это получается, продолжали просто радоваться жизни, как будто попивали чай в какой-нибудь небольшой таверне в Венеции. Как будто это был не простой чай, а напиток с травами и цветущими розами, только-только срезанными с куста напротив. Как будто вся соль жизни заключалась в том, что они до сих пор не знали, где находится эта таверна. Быть может, в действительности о ней знал лишь Луисиан, а им она только привиделась. Быть может как раз оттого, что Луисиан о ней сейчас вспомнил. Впрочем, чего не знаю, того не знаю. Но Ни свет Ни заря твердо решила финальным местом своего путешествия сделать такую таверну в Венеции. И чтобы обязательно цвела весна и был теплый чай с пряными розами.

Но что делать, если вас до сих пор качает из стороны в сторону, как ту пальму, что виднеется, как парус одинокой, во-он там вдали? Путники сейчас топали по сказочному доминиканскому пляжу и в который раз понимали, что поехать в атлантику зимой-явно плохая затея. Но прошлого не вернёшь, и, думаю, не стоит и говорить, ведь вы это и так прекрасно знаете, что прошлое чрезвычайно многому учит. Учит оно и тому, что не нужно стоять под пальмами в доминиканский ветер. Эту бедняжку только что выдрало с корнем и понесло куда-то вдаль, навстречу непреодолимому ветру и хоть какому-нибудь, да исходу.

Но что же все-таки делать, если вас качает из стороны в сторону? Ответ прост: приять силу ветра, успокоиться и придумать, как вы можете извлечь из этого максимальную выгоду. К примеру, если дует ветер, значит всегда можно как минимум поднять паруса и пуститься во весь опор, пляс, по направлению к своим целям. А цели у Женьки и Ни свет Ни зари были самые что ни на есть великие. Они так загорелись энтузиазмом путешествий, что, даже несмотря на штурмующие сушу ветра готовы были хоть сейчас отправиться в кругосветку. Встретится им на пути мегалодон? Ну ничего-сделают фото на память. Кораблекрушение? Побьют мировой рекорд по плаванию брасом. В общем, ребята осмелели настолько, что если ветер и был причиной их безудержного веселья, то ему уже следовало бы перестать дуть. Становилось не смешно. И ветер переставал. Так быстро меняется погода в сознании ищущего, немного мечущегося, но в целом всё делающего верно человека. После, чуть погодя, когда ураган уже давно закончился, снова гуляли по этому пляжу. Всё было так красиво, солнечно, ясно, что, казалось, не будь на том месте, где она была, этой небольшой воронки от маленького росточка пальмы, которого давеча выдрало на корню, можно было бы совсем сказать, что в воздухе этой местности ничего не происходило. Конечно, прошла ночь, а ведь именно в ночи все краски сгущаются и мир нам кажется темной материей, состоящей прямиком из черных дыр. Что ж, тогда

днем-напротив, повсюду нас окружают белые дыры нашего сознания, сияющего, но всё ещё не в силах понять, почему мы на самом деле так боимся ночи.

Урок, который Ни свет Ни заря и Женька выучили для себя вчера, заключался в том, что хорошо смеется тот, кто умеет хорошо смеяться. Они долго спорили, сидя под брезентовым навесом небольшого плетеного шалаша неподалеку от берега, о том, что лучше: жить, не тужить, выполнять искренне, но немного медленно какое-нибудь любимое действие, например, писать стихи; или трудиться, не покладая рук, как черный ворон, который, пролетая над Москвой, каркает три часа ночи? Долго они об этом спорили, а после пошли погулять. Там-то их и застал очередной шторм под кодовым названием Венесуэла, потому что шел с Венесуэлы, в размышлениях. Вот и выяснилось, что ни плох, да и ни хорош ни тот и ни другой способ. Как говорят в таких случаях: "Оба хороши. Один гусь длиннее другого». А всё потому, что в действительности же все мы-людишки мелкие, и определить, откуда вознесется хвала, а откуда кара Божия-не можем. Отсюда и результат. Разве что можем предугадать. Но ведь и индюк мог предугадать, что для супа нужно мясо...

В общем, не стоит в этой жизни делать только двух вещей: принимать за чистую монету, а уж тем более примерять на себя чужие теории, а так же спорить с кем либо и сбивать его с истинного пути. Хотя и понятно, что, даже искренне

пытаясь помочь человеку и вступая с ним в диалог, мы всё равно спорим. Но лучше молчать, право. Смирение почти всегда приводит к добру. Неусидчивость-скорее напротив. Разве что к добру, которое может переключаться из одних, к примеру, именно твоих рук, в другие. Так порой и жизненное преимущество при смене своей, рабочей теории на другую может перескакивать. И вот мой вам совет, дорогие друзья: не следует никому и никогда верить. Верьте разве что родителям, ну и ещё тому продавцу на пляже, который сказал Женьке и Ни свет Ни заре, что кофе из банана и мяты получился мягко говоря не отменным, и его лучше не пить. Остальным же, пусть даже самому Владимиру Путину, как только он захотел вам что-то навязать, что рушит вашу мораль и ваши теории о достижении успеха, сразу переставайте верить. Обойдутся. Так порою великая река Неправда впадает в свой не менее известный приток-Обходиться тем, что имеется. Пока же мы с вами имеем на руках большое количество штормов и скуку, которые вместе с ними уносит постепенно погода из лбов наших героев.

Ах, унес бы кто-нибудь так и нашу скуку! Что ж, если вы ещё не читали «Честность», вам повезло: просто представьте, что через минуту-другую вас казнят, и скуки-как не бывало. В смысле, осознав угрозу, вы действительно поймете, что ваша жизнь-сплошное наслаждение. Не читав книги «Доброта», вы имеете вторую уникальную возможность за сего-

дня-на этот раз узнать, что всегда есть те, солдаты ли, или просто никому незиветсные люди, которые умерли, лишь бы у нас была жизнь. Потому снова вовсе не стоит грустить. Давайте сейчас впринципе рассмотрим причины, по которым человек может начать грустить. Ну, первая, это когда он настолько загнал себя, как бегун, неправильно дышащий во время бега или вспененная силой лошадь, что уже не может очухаться и написать слово «жизнь» так, чтобы «ж» не наезжало на «и», а «и» на нижнюю строчку. Этому человеку, на самом-то деле, повезло больше всех-он может лишь продолжать делать то, что он делал (а у всех есть какие-то планы), и всё у него тогда получится. Другим же людям, например, тем, кто грустит как раз оттого, что нет у них больше никаких целей или никогда и не было, приятно будет услышать замечание, что всё, что поправимо, так или иначе исправится. Ну, а то, что уже поправить нельзя, можно и вовсе отбросить. Зачем человеку лишняя информация? Грубо говоря, если вы грустите, именно грустите, и это не действительно оправданная тяжелая скорбь, вы либо продолжаете делать то, что уже делали, либо начинаете всё с нуля, что, на самом деле, ещё приятнее. Впрочем, во всех трех случаях можно просто пойти и поработать. Тогда досада гарантированно пройдет.

Луисиан приехал в Москву. И о, какое же это приятное ощущение, после всех прелестей жизни, начиная от массажа на багамах и заканчивая утолением своего голода попасть в самый настоящий русский мороз! Как после Нового Года попасть за стол, где нет ничего кроме черного и белого хлеба. Ну, и немного водички.

На улице было около минус двадцати. Стояла ночь, когда приехал Луисиан. В вагоне поезда, в котором он ехал, было совсем не скучно, не грусто. Один из его попутчиков умудрился протащить с собой электрокамин. Камин благоухал и очень приятно светил в отдаленнии тьмы ночи. Конечно, Москва-город тысячи тысяч огней, но, мне кажется, определенно каждому москвичу следовало бы представить хотя бы на секундочку, на денек, что его малина закончилась, наступили холода, осень, и в москве отключили, все до единого, золотые огни. А времени, когда приехал Луисиан в Москву, было уже около десяти, если не одиннадцати вечера. Вообще, Луисиан прибыл на Киевский вокзал, но ведь где центр, там и Красная площадь. Там ведь и знаменитая набережная вдоль Кремля, по которой все так любят ходить и до сих пор ходят. Представьте же себе всю эту картину без знаменитых огней, да хотя бы без тех прекрасных отблесков Красной Пресни прямиком перед Крымским мостом, отражающихся в глазах Петра Первого... Москва. Представьте себе, насколько только сдвинулся человеческий график за довольно

короткое время-всего пару десятков сотен лет! Всего за двадцать одну сотню! При том представьте, насколько действительно тревожно на нас действуют все эти социальные сети, компьютеры, телевизор, да даже банально поздний отход ко сну. Ведь как порой бывает невыносимо чувствовать, что постоянно куда-то не успеваешь, что постоянно спешишь! Но, на самом деле, всё это-разговоры на пустом месте. Здесь надо либо действительно братьями переезжать в деревню, чтобы тебя там полностью успокоила отважная морось лет, либо привыкать к тому, что мы живем в обществе, живем по его правилам и предпочитаем находится в равных со всеми условиях, а потому и компьютер, и социальные сети никак не влияют на наше положение в обществе.

Ну, вот представим, что в мире больше вообще никогда не дадут свет. Что ж, пообвыкнутся люди и с этим, горсть печали до ночи пройдет. И станет всё снова на прежние, первобытные места, за исключением разве того, что телячьи стейки теперь заменят мамонтовыми, да шерсть перестанут делать из соболиных мехов-скорее начнут тратить на это женские шубки. В общем, не изменится в жизни людей от этого ничего особенного. Другое дело, что порою всё же лучше судить относительно себя, а никак не относительно того, что ты пытаешься достигнуть, или того, кого ты пытаешься перегнуть. Это как минимум лучше для вашего сердца. Порою вообще больше всего надо заботиться о своем здоровье. И

если вы хотите прожить двести лет, как это поставил себе я главной целью, так значит в первую очередь вам следует считаться со своим здоровьем. Кстати говоря, если отталкиваться от таких действий и побуждений, то станет намного спокойнее жить. Ну кому важно, что у вас тройка по математике? Что ж, и вправду. Сейчас это многим важно. И какая же это, в сущности, мелочь через двадцать лет! Ну, а через двести? Мы так часто волнуемся по пустякам. Именно поэтому мы и не доживаем до своего заслуженного возраста. А стоило бы. Стоило бы меньше беспокоиться, стоило бы не мешать жить хотя бы самому себе, что уж там другим. Просто аккуратно работать над собой, потихоньку продвигаясь в пространстве и времени своих целей, как порою судмарина продвигается в начинающихся сковываться льдах при температуре воды около нуля градусов.

Очень часто именно советы, как справиться с той или иной неприятностью и на очередном спуске с вершин не подскользнуться на камне, бывают самыми важными. Мой вам совет на сегодня, дорогие друзья: не беритесь за многое сразу. Начинайте по чуть-чуть. Заботьтесь о своем здоровье. Как зимнее солнце светит, но не греет, так и не дает особенной продуктивности возможность делать много дел одновременно. Попробуйте сделать по-другому, если вам, конечно, позволяет время. Начинайте от печки, и в нашем случае от здоровья. Скомпонуйте всё так, чтобы иметь посто-

янно восьмичасовой запас сна, рацион правильной пищи в своем питании, возможность подолгу гулять ночью и днем, зимой и летом. После начинайте вводить два действия, которые приносят вам деньги и ощущение смысла жизни. Действия, что просто прививают вам любовь к этому миру. Вводите потихоньку, ещё по две или три позиции того, что можете ввести. Ну, например, в моём случае я уже ввел обучение и написание книг, но чувствую, что этого мало. Я беру и ввожу ещё написание стихотворения каждый день и занятия английским. Вижу, что пока что времени хватает и могу делать что-либо ещё целый час или полтора. Что я могу добавить? Могу добавить, наверное, спорт. Бег по утрам или силовые тренировки с гантелями. Так как мне не хватает тех уроков, что я получаю из школы, я могу ещё дополнительно читать учебники по истории. Что ж, удобно. И вполне хорошо. И вот именно в таком темпе, в таком отношении к жизни надо идти и жить до двухста лет.

Иногда рискуй, иногда проявляй инициативу. И просто живи и наслаждайся всей той жизнью, что у тебя ещё есть, что у тебя осталась впереди. Удаляйся из соц-сетей. Планируй что-нибудь важное. Действуй.

Глава 18, Алиот

Ни свет Ни заря и Женька продолжали свою поездку.

Сейчас они вместе с гидом сидели на замечательной яхточке. Она выглядела довольно презентабельно, впрочем, так и должно было быть. Хотя бы потому, что за поездку были заплачены немалые деньги. Сейчас их гид, довольно толстенький, но от этого не менее отважный мужичок, занимался своими делами где-то в каюте капитана корабля, а ребята на фоне вечернего залива и заката разглядывали звездную карту. Дело в том, что в Париже Женька лишь приблизительно набросал маршрут их будущей поездки. Сейчас же они в реальности сопоставляли карту латинской мерики с узором Большой Медведицы на звездном небе. Вообще, это довольно красивое созвездие из северного полушария состоит всего лишь из четырех звезд. Для того, чтобы их поездка не прошла слишком быстро, ребята придумали для начала проводить в каждой посещаемой ими стране побольше времени, а после и вовсе увеличили срок пребывания в Антарктиде до четырнадцати дней. Первой звездой в их плане был Алькаид. Это сама северная звезда, и она являлась как раз отправной точкой, как раз тем местом на карте мира, где базировались Бермудские острова. И на Бермудских островах с ребятами произошли первые необратимые изменения, которые предшествуют всякому бурному развитию любой жизни на Земле. Так пальма, после того, как её в первый раз робко полуют на каком-нибудь влажном балконе, начинает верить в себя и цвести столь бурно, что люди, её полившие, через некоторое время начинают даже об этом жалеть. Так вот, Бермуды

являлись Алькаидом, и Алькаид не прошел даром в их путешествии. Он многому их научил. Мицар же стоит следующей после Алькайда звездой в узоре Большой медведицы; её особенность в том, что, на самом-то деле, она состоит как минимум из двух звезд. Ходят слухи, что одна из тех двух, маленьких звезд, делится ещё на одну. Но этого пока точно никто не видел, так что, сам не знаю и ничего сказать по этому поводу не могу.

Доминикана застала ребят своим сильным штормом. Вероятно, в Пуэрто-Рико, на который сейчас отправлялись Женька и Ни свет Ни заря, пару дней назад был абсолютно такой же шторм. Но, знаете, ничего в мире не случается дважды. А потому, спустя довольно немного времени, даже сознание самого упертого, самого замкнутого в себе человека начинает меняться. К тому же, раз уж так совпало по карте, почему бы двум европейцам не посетить ещё одну необычную для их восприятия страну? В общем, порешили так: двадцать седьмого января они прибудут к берегам города Сан-Хосе, чтобы со всем достоинством освеженного путешественника изучить этот город. Что ж, сказано-сделано. Наблюдая такую теплую, столь совершенную картину волн, будто нарисованную красками, друзья постоянно думали, что всё это им попросту снится. И нет, я не имею ввиду тот обыденный, райский сон, который, пожалуй, описывают другие авторы в своих книгах. О, нет. Дело в том, что всё для

них было как будто в тумане, как раз оттого, что стояла самая настоящая реальность. У них же, даже учитывая их изменившееся в лучшую сторону восприятие мира, всё ещё не было какой-либо цели. «Веселиться и получать удовольствие-вот наша цель»,-сказал в какой-то мере банальную вещь Женька. Но именно повторение-мать учения, и в этом ребята убедились ещё один раз, в этом и заключался их главный урок на Доминикане. Ну, а что ещё делать, как не повторять про себя: «О, как я рад, что жив, как я рад, что меня не зацепило волнами ветра!» после того, как вас ни единым прутиком не сумел зацепить ураган?

«Нам нужен какой-то теплый песок после того, как мы завязли в мокром и склизком иле европейской угрюмой жизни»,-сказал вдруг Женька. «Нам нужно что-то большее, чем просто размеренное посещение различных теплых стран». И ребята стали думать, как бы им улучшить положение дел. Ответ пришел не сразу, но всё же довольно быстро для ответа на такой волнующий, важный для них вопрос. И ведь гениальное испокон веков очень просто. А значит, для того, чтобы получить обычное людское наслаждение, надо в первую очередь начать думать, как обычный человек. Ещё быстрее, чем ответ на первый вопрос, к ним пришел ответ на второй, и вот тогда они и вовсе почувствовали спелый, немного с кислинкой, тропический вкус жизни. Чтобы жить, как простые люди, им нужно иметь столько же денег, как у простых людей.

Ведь деньги-это просто самый легкий из возможных путей добиться желаемого. Можно получать счастье, сидя на балконе пятизвездочного отеля, а можно-испытывая приятную тяжесть в ногах после тяжелого дня прогулок и приключений в самых недрах столицы... Следуя столь разным путям, вы всё ещё будете получать одинаковый для всех результат-счастье. Ребята прикинули, что им нужно сделать, чтобы поездка была интересной, но проходила в режиме урезанных финансов и поняли, что в первую очередь нужно пересмотреть все выпуски «Орла и Решки». Уже потом-сделать всё, как там у человека, которому выпало сто долларов. Не долго думая, так и поступили.

К Пуэрто-Рико подплыли в ночи, когда большая часть местного населения уже готовилась ко сну, а те люди, что приехали сюда погостить, ещё только одевались в различные дорогие наряды перед своим зеркалом. У входа в порт столкнулись с каким-то ярко светящимся лайнером. Он казался столь огромен на фоне пуэрто-риканских волн, что уж, конечно, внушал всем, взирающим на него, уважение. Ребята высадились на ещё теплый, не успевший остыть за два непродолжительных часа вечера берег, распрощались на время со своим верным командиром, и, оставив почти все из своих вещей кроме фотоаппарата на яхте унеслись прочь от того, что их держало на этом маленьком острове устало-

сти. На острове, который стирался из их памяти так же, как стирается большое масляное пятно с каплями жира простой водой. Но, казалось, возможно именно сейчас, возможно, и в принципе, казалось, что теперь они наконец-то нашли живительное средство, которое, как химический очиститель на кухне, стирало бы этот грязный остров с удвоенной силой. Таким для них было недавно выуженное из морской пучины изречение, гласящее, что буквально всего, в том числе, счастья, можно добиться без денег. И это выглядит, словно сюжет в какой-нибудь большой компьютерной игре. Словно вы успешно проходите её, проходя при этом на максимально сложном для вас уровне. Просто потому, что вы бы испытывали гораздо более приятные точечные изменения, растекающиеся, как горный ледник по всему вашему телу. Почему более точечные? Ну, хотя бы потому, что приходится продумывать свой план настолько четче, насколько сложнее становится играть.

Почему все мы желаем переехать в более теплые страны? Наверное потому, что в нас испокон веков живет приятность ощущения чего-то тёплого, мягкого,

что зародилось ещё в Африке, откуда шли наши давние предки. Дело в том, что ананас намного приятнее есть, забравшись на пальму и видя под собой душистый песок, нежели чем есть его, глядя на шастающего туда-сюда голодного

медведя. Такова уж человеческая природа. Но недаром человек эволюционирует, а потому всё, что не получается у этого существа, оно пытается обратить в свою пользу. Именно потому атомная энергия-один из самых перспективных источников энергии будущего. Именно потому, что в нем царит небывалая загадка, потому, что он ещё может «ошпарить» человека, ну-вот как огонь в прошлом. Единственным негативным последствием этого предложения является факт, что все мы-абсолютно песчинки времени перед источником атомной энергии, а потому она с легкостью при желании перекусит нас пополам. Но станем же сильными, друзья! Будем же, как те термиты или тля, что разбегаются в разные стороны при виде руки человека. Ртуть-вот наш пример, ребята! Какова же впринипе цена человеческой жизни? Нет, я сейчас не о том, какова её цена в развитии человечества, скорее о том, какой человек в действительности считается более успешным? На днях ребята, глядя выпуск «Орла и Решки», заметили, что более всего силен человек, который испытывает положительные эмоции. Это и понятно, ведь положительные эмоции увеличивают срок жизни и подсознательно нужны всем, а значит, такие люди больше ценятся. А те, кто больше всех нужен обществу, и ощущает себя по-другому. Ведь они чувствуют себя более значимыми. Почему человек, у которого искренне просят помощи, вдруг начинает чувствовать себя лучше? Всё потому же. Хотя бы в данный момент, но вообще-то всегда, он не задается вопросом: «В

чем мой смысл жизни?» Что ж, именно такова его жизненная цена. И именно о ней думали ребята, сидя в каком-то кафе в центре города, где им принесли местное блюдо из пюре бананов. Кафе было с видом на море. Здание находилось где-то на границе между морскими и земными владениями. В свете оформленных по-испански пуэрто-риканских фонарей Ни свет Ни заря и Женька наблюдали, как ненарочито бело искрится в их стакане с пина-коладой отражение карнавала, который проходит где-то на соседней улице. Наверное, по прибытии на Пуэрто-Рико стоит бросать все дела, которые ещё не были брошены, и на каком-нибудь ушленьком скутере двигаться за город, поближе к лесам и озерам, или к скалистому берегу, маленькой песчаной бухточке жизни.

Но они и собирались сделать так, но попозже, потому что сейчас чисто физически не могли. Они сейчас ждали одного человечка, у которого забронировали себе жилье. В «Орле и Решке» ведь часто показывается, как главные герои просто остаются переночевать у тех, кто неравнодушен к людям или любит им помогать. Что ж, вот и Ни свет Ни заря с Женькой сейчас, посмотрев один такой ролик, договорились с неким Хауло о встрече в кафе на одной из главных улиц города. Но что-то Хауло задерживается, и вот, они, чтобы не потратить драгоценные часы своего время зазря, стали рассматривать витрины, местных жителей, да и вообще всё-всё, что только может рассказать о культуре и секретах проживаю-

щих здесь людей. Вот и сейчас, глядя на какую-то рекламу, пущенную как раз для таких туристов, как они, Ни свет Ни заря и Женька стали вглядываться в те глубоководные озера, те разнообразные вечнозеленые леса, находящиеся там, чуть-чуть в глубине острова. Они смотрели и плавно начинали испытывать то спокойствие, какое испытывает человек при погружении в теплую ванну. То была теплая ванна, в которую Ни свет Ни заря наконец, спустя долгое время после Парижа, смогла окунуться. И если был какой-то секрет в том, как жить, то сейчас они с Женькой, сидя на веранде у Хауло и обсуждая проблемы транспортировки редких бабочек с севера на юг, были уверены, что секрет этот заключается в полном, безоговорочном отречении от городской и рутинной жизни. Они просто попробовали путешествовать по-настоящему и стали так чутко, так полно понимать тех людей, кто вовсе не вылезает из экстремальных путешествий, как Ни свет Ни заря после долгого дня из нагретой её мечтами и мыслями ванной.

Глава 19, Мегрец

Луисиан осуществил мечту своего детства. Как очень часто раньше разные люди подходили друг к другу на автобусной отсановке, когда не было автобуса, и спрашивали «Так что случилось?», так и сейчас, на стройке где-то в Северном Бутово, не самом близком к центру районе Москвы,

среди второй смены рабочей бригады номер один возникли настолько же тесные, дружеские отношения. Один подошел ко второму и говорил: «Да-а, брат, интересно девки пляшут. Выходит, мы, работая тут, настолько унижены и подавлены своим безынтересным положением, что не видим таких простых радостей, как звезда Мегрец на звездном небе, в то время как человек приехал сюда, к нам (откуда!), из Италии, нет, из Аргентины, только для того, чтобы поработать на стройке в русский мороз!» И так всегда, дорогие друзья. Там, где кто-то находит, кто-то в то же время теряет. Для кого-то переехать в Данию или на восточное побережье Швеции-неосуществимая мечта, а для кого-то-суровая реальность. Одни люди собираются постоянно что-то менять в своей комнате оттого, что их ничего не устраивает, и еле-еле заставляют себя это делать, другие напротив-меняют и каждый раз сожалеют о том, что не могут оставить всё на одном месте, дать обрасти чему-либо былью времени. Никогда не бывает так, что одна и та же вещь для разных людей несет одинаково положительную или отрицательную эмоциональную окраску. Для меня мечта вот, как Ни свет Ни заря, отправится на своем Рейндж-Ровере на белый берег Франции, и, сидя где-то на мельнице, встречать рассвет. Кто-то же настолько присытился этими рассветами, или не присытился, но это просто не для него, что он уже не может и дня, и часа просидеть у той мельницы, и, как паломник из моей книги «Честность» сурово отправляется в путь. Никогда не бывать

одной и той же эмоции у двух человек. Если бы ученым нужно было провести эксперимент, является ли и вправду каждый отдельновзятый человек личностью, я бы им предложил сделать следующее: провести опрос двухсот тысяч людей по одной и той же теме. Тогда бы больше не осталось и тени сомнения, ведь даже на такой короткий вопрос, как: «Вы любите жить?» каждый, уверен, каждый человек на Земле ответит что-то своё. И пусть, пусть при этом их слова будут совпадать, но на то и не проводится такого эксперимента в мире. В виду же, в своем уме они будут иметь совершенно разное. И пусть мои часы сейчас тикают то двенадцать, то без двадцати двенадцать, я все равно буду продолжать делать своё дело и наслаждаться им от всей души там, где у меня будет получаться наслаждаться. И пусть за моим окном вырастет сугроб высотой аж до третьего этажа, а Луисиан, вспомнив своего друга Дионисия вдруг краном случайно сломает целый этаж, я никогда не изменю своему стремлению продолжать работать. Так говорить считается неправильным, но я всё же скажу, хотя бы скажу, что я чувствую: «Скорее всего, даже на своем смертном одре, и о-ой как не скоро я желаю ему быть, я буду работать над собой или косвенно, но очень близко думать о том, каково это-самосовершенствоваться».

Сидя в этой изумительной навесной будке, на высоте, казалось, в тысячи тысяч километров, Луисиан начал слышать высшие силы. Они не явились к нему лицом чего-то борода-

того, доброго и безликого, не явились они ему и ангелами во плоти, а показались лишь чем-то вроде мерного, более мерного, чем обычно постукивания ветра в его и без того колышущееся на ветру окно. Показались каким-то необычным и не очень приятным, но в то же время праведным ощущением в спине, как будто кто-то сзади тебя на тебя смотрит, но не собирается причинять никакого физического вреда. Было, наверное, тринадцатое или четырнадцатое февраля, когда Луисиан это почувствовал, и он, на удивление, подумал вдруг, что числа в этом мире вообще не играют значения. «Ну, вот, сегодня почти что пятница-тринадцатое, ну и что? Кому-то сегодня всё равно удалось получить приятный подарок и почувствовать что-то волшебное, а кому-то и сегодня, даром, что не пятница, силком переживания отрезало путь к мечте и одновременно к дороге назад. Ну и что, спрашивается, ну и что? Люди всё равно до сих пор не могут совладать с собой и своими эмоциями, и от чисел тут вовсе ничего не зависит". Но Мегрец по-другому означает тихий, ищущий, а потому Луисиан задал необычному ветру всего лишь один вопрос: «Что мне делать?» И ветер ответил, ответил, как настоящий старец, странно, непонятно, всё больше урывками и загадками. Он сказал, что надо искать корни. А дело было вот как:

Когда Луисиан, допивая очередную кружку настоящего русского чая с лимоном, то и дело поправлял так нравившу-

юся ему, но так упорно не налезавшую на него шапку-ушанку, в воздухе вдруг завыл ветер. Шумел он неслабо, но и не сильно. Шумел себе, да и пусть. Луизиана смущала другая вещь. То ли тут дело было в российской мистике, то ли и правда что-то пошло не так, но ощущение, что за спиной у тебя кто-то находится, настолько перестало давать ему покой, что он резко развернулся. Надо сказать, что это было одно из самых удачных решений в его жизни. В подъемном кране, оказывается, как и в кабине у дальнобойщика, имеется второй ряд сидений, где обычно стоит кровать, быть может телевизор, быть может-холодильник... Казалось, целый пчелиный рой или растопленный, но недотаявший воск свечи оказался там, за решеткой.

Возвращаясь к вопросу: «Кто что сделал?», Луизиан и сам долго не мог ответить на этот вопрос. Но ему стало так некомфортно, неприятно от этого дурацкого, немного жгучего ощущения именно сейчас, когда, казалось, его мечта сбылась и он должен бы быть самым счастливым человеком на свете, что он даже вышел на уличную площадку со стаканом лимонного чая в своих руках-освежиться. Когда метель закончилась, когда он вернулся обратно, ощущение не то что бы всё ещё не прошло, оно будто и прошло, но тем самым преобразовалось уже во что-то новое. Так бы он наверное и сидел в раздумьях, если бы один заботливый сменщик не додумался затащить на такую верхотуру полноценное зерка-

ло. Мол, я же на высоте, а значит и выглядеть должен всегда подобающе. В общем, когда зашел обратно в кабину, Луисиан мельком глянул на себя в зеркало и ахнул. Его ноги, да и всё, начиная с этих чуть поватневших ног до самого затылка, переменялось. В зеркале на него смотрел посветлевший уже за время прогулки человек, смахивающий чем-то на японца или китайца, да и бейджик на его груди теперь гласил: Ли-сан. Похоже, Луисиан вовсе не потерпел никаких потерь, напротив-преуспел в своем познании мира так, да к тому же успел исполнить свою мечту, что волей-неволей попал на следующую ступень развития. Ступень чтения своих родителей. А что, как не настоящие корни есть наши родители для нас? И именно китайцы, японцы, корейцы и индусы, да в общем-то все азиаты придумали такие хорошие, действительно правильные религии, что сильно преуспели в почтении всего мира и в том числе, конечно, в почтении своих родителей. Обновленный Ли-сан, похоже, направлялся вниз, с крана, для того, чтобы поделиться мудростью со своими уже теперь великими друзьями-напарниками, а после пуститься в обратный путь, в Италию, на моглику к своему горячо любимому отцу жизни. На свою законную родину.

Мегрец светил в небе так, что Ни свет Ни заря с Женькой думали: «Уж не взорвалось ли чего в космосе?» Но в космосе, к сожалению ли, или к счастью, всё ещё ничего не взо-

рвалось. То лишь летели простые каракасские птицы. Они будто падали миллионами брызг в этот жаркий, не то зимний, не то летний полдень. Настолько чистым и безропотно синим казалось небо вдали над Каракасом, что ни Ни свет Ни заря, ни, уж тем более, Женька, никак не могли взять себе в толк: почему все с опаской, с большим остережением подходят к этому городу. Почему называют его чуть ли не одним из самых бандитских городов во всем мире? Одной из самых бандитских стран. Но после всё встало на свои места. Не успели они сойти с лодки, не успели добраться ещё от берега до города на такси, как Ни свет Ни заря вдруг взвизгнула: то ей под платье залез страх так навсегда и кануть в вечность, оставшись ничего не значащим для других людей человеком, так и не сумевшим совладать со своими эмоциями и достигнуть постоянства. «Постоянство-вот главая движущая сила прогресса» Даже бандиты, самые заядлые прожигатели этой жизни во всех её проявлениях, начиная от пальм и до березок, и заканчивая ещё бог знает чем, и те подтверждают: главное в жизни-это постоянство. Если ты дашь слабинку, то не успеешь и ножик из своего кармана вытащить, как на твое место в трущобах, на место законного представителя и чуть ли не императорское величество присягнет другой, более успешный разбойник. Женька, глядя на уходившие вдаль, словно годы его жизни и минуты его мыслей, спины птиц, отчаянно пытался сообразить: «Что же пошло не так с его жизнью?»

С ребятами начали происходить изменения. Обычно всем людям в таких местах взбредает в голову что-то вроде: «Да, это у меня-то плохая жизнь! Нет! У меня-то ещё, в отличии от этих крокодилов странствий, хорошая!» Ребята же, напротив, стали чрезвычайно ясно понимать, что времени осталось мало и им кровь из носу нужно успеть использовать весь свой потенциал. Скажем, до момента их прибытия в Антарктиду. Что же послужило причиной скоропостижных изменений, растекающихся по лбу Ни свет Ни зари и Женьки, как порой сложный эфир яблочной ксилоты растекается по днищу нашего вкуса, до конца не известно. Быть может, то на них так повлиял контрастный Каракас, ведь там и вправду с одной стороны были шедевральные, ну просто красивые и дорогие небоскребы, а с другой-что-то, очень напоминающее Бразильские фавеллы под проливным дождем. Быть может, причиной их изменений послужило ещё и то, что они, как никак, начали своё путешествие на Бермудских островах. Почему-то машина Женьки сейчас ему прислала сигнал, что кто-то её пытается взломать. Впрочем, взломать её было бы очень сложно, ведь сейчас она стоит в пещере недалеко от залива, в тени кокосов и пальм. Самое опасное, что ей могло бы всё же грозить-зверское нападение голодного до железа крабика. Ребята собирались меняться благодаря тому, что лишь в тысячах трех-пяти отсюда, за границей человеческого разума цвела и процветала жизнь насто-

ящей венесуэльской природы, что, как веточка фуксии, игриво свисает на Земном шаре со стана нежной Америки. И идея этой главы заключается в том, как раз в самом важном и замечательном свойстве жизни: «Если тебе кажется, что работа бессмысленна, тогда, именно тогда тебе следует идти и продолжать работать. Как показывает практика, человек не может определять истинную ценность событий, и такая работа зачастую является самой важной работой на отрезке жизни».

Ни свет Ни заря и Женька пошли повстречать зарю. Але-ло.

Глава 20, Фекда (Фад)

Фекда (Фад)

Ни свет Ни заря и Женька продолжали свой томный, но вовсе не скучный, а скорее-под цвет океанского бриза, путь. Связь, конечно, в Венесуэле была так себе. Очень трудным делом оказалось дозвониться до своего капитана, чтобы предупредить его, что пока что, дней на десять-двенадцать, он может загулять. Но чтобы потомбыл как штык! Подходя ближе к середине, созвездие Большой Медведицы резко поворачивает. Ну, а раз уж поворачивает, то героям волей-неволей придется повернуть в соответствии с правилами игры и направиться в Коста-Рику. Впрочем, умному человеку всегда

будет, чем себя занять. К тому же, после достаточно негостеприимной Венесуэлы, любая, пусть даже требующая крюка в сто, в двести тысяч километров страна покажется пусть и не раем, но и не таким адом, где можно недосчитаться зубов или ног. Более того, ведь все мы знаем,

что Луисиан-плод воображения Ни свет Ни зари, сидящей у окошка во Франции. Так значит, и она не прочь отправиться в Коста-Рику.

Женька же и подавно, вчера на рассвете, сидя в уютном номере венесуэльской гостиницы, написал стих. Он вообще любил творить, именно глядя на свою спящую сестру. У него это вызывало ощущение пользы. Ведь он как бы сидит и защищает её покой, а уж потом, задним числом, чтобы самому не заснуть, занимается искусством. «Коста-Рика меня подождет, ну а вы-не уверен, чтобы. Одиноким латинским днем и песчаным карибским штормом». В общем, было решено: сейчас же арендуют небольшой самолет и, не теряя ни минуты, отправляются в Коста-Рику.

Чему наши герои успели уже научиться за время поездки, учитывая то, что поездка их может просто взять, и со дня на день закончиться? И нет, я не подвожу вас сейчас плавно к концу этой книги, и будет ещё на нашей улице праздник, и, судя по страницам, будет ещё в этой книге пара глав! Но! Вопрос нынче в другом: «А что, если и наша жизнь, как на-

спех дописанная книга, благодаря какому-нибудь нерадивому автору тоже возьмет, и со дня на день закончится? Что тогда?» Резонно задать себе вопрос: «Чему я за это время уже успел научиться? Какое количество времени я потратил зря, какое-не в пустую, и что бы я сказал теперь по поводу всех тех моих сомнений и переживаний, что были раньше? Являются ли они частью чего-то дельного, или это был всё же пустяк, туман, который, как только встанет Солнце, бесповоротно рассеется?» И не ответить на этот вопрос, покуда не настанет и вправду тот час икс, перед которым его следует задавать. И не узнает никто, когда, когда же по-настоящему настанет тот час, о котором идет речь. Так значит, не удастся нам ответить серьезно и на этот вопрос. И если предположить, что ответом на него является как раз смысл жизни, то выйдет, что мы абсолютно нисколько не в силах его понять. Так стоит ли его вообще понимать, или всё же наша жизнь сводится к банальному потреблению и производству эмоций? Сложно ответить и на этот вопрос. Легко сказать лишь одно: когда ты получаешь выигрыш в соответствии со своей тяжелой, тяжелейшей работой через "не могу" и через всеобщее невезение, ты всегда начинаешь себя чувтсвовать здорово. А, как мы знаем, почти всё гениальное-просто. И эта фраза вовсе не означает, что гении-дураки. Она означает лишь, что ни одна ещё в мире сложная мысль не приводила ни к чему дельному. Мысль, в первую очередь сложная не по своей формулировке, а по своему весу. Как ни один ещё по-

лезный газ, ни одно ещё полезное вещество не имело большую, не просто большую, а огромную молярную массу. И ведь дело в том, что все, абсолютно все мысли, что доставляют нам неприятности, доставляют нам их лишь потому, что это какой-нибудь свинец в сфере мыслей, и он имеет непомерно тяжелую, абсолютно необъяснимо высокую и кусачую массу.

Когда подлетели к столице, узнали, что на Коста-рику обрушился ещё недавно бушивавший в открытых водах Карибского моря тайфун. Он будто преследовал их, ребят, решивших поменяться лишь потому, что никто не знает, когда они в действительности могут умереть. Он преследовал их с интересом, как строгий учитель, которому искренне любопытно понаблюдать за поступками своих учеников и всеми зубами своей крокодильей мощи вцепиться им в шею, если что-то пойдет не так, если какие-то уроки всё же не были усвоены. Но ребята не дали и повода для беспокойства. Так не дает повода для беспокойства только матерый, абсолютно честный перед собой и уравновешенный человек, который усердно, не в первый раз, проходит испытание жизни. В его душе будто что-то и хочет колыхнуться в пользу волнения и непонимания: «А для чего делать, кроме как для того, чтобы делать?», но всё же не колыхается, потому что он с искренним спокойствием вдруг осознаёт, для чего в действительности надо делать. Такое искреннее, по настоящему чистое спокой-

ствие человеческой совести может придать только абсолютно честная сильная установка, прошедшая, как и Ни свет Ни заря с Женькой, и зной и выюгу.

Когда благополучно приземлились в городе, расположившемся неподалеку от побережья, после того, как сумели оценить все последствия крушения, Ни свет Ни заря с Женькой, как будто сговорившись, но не произнося при этом ни слова, сначала выпили по чашечке настоящего коста-риканского кофе с корицей и ванилью, а после пошли и записались волонтерами. Если уж уходить от намеченного доселе пути, как это сделали сейчас Ни свете Ни заря с Женькой, то ради того, только ради того, чтобы нести добро в этом знойном подлунном мире. Ведь именно добро есть, да и всегда была главная честность перед собой из тех, что только существуют. Вспомните, как вы, будучи аленьким ребеночком, считали за событие тот факт, что вместе с мамой пошли выкидывать мусор на помойку. Просто вспомните, сколько же непреодолимого детского счастья вы испытывали в тот момент! Представьте, сколько ещё таких же счастливых мгновений вы можете осущетсвить для других, абсолютно незнакомых вам деток со всего мира, работая волонтерами. И тогда никакой мир, даже самый злой и зубастый не сможет вам сказать, что вы делаете что-то неправильно. Переборов тягу к тому, чтобы бросить всё и уйти куда-то подальше, где ночь своим единым мерным колосом переходит в созвездие

утра, Ни свет Ни заря и Женька всё ж втянулись в работу. И, о, какое же счастье они сейчас испытывали! Глядя на этих бедных, полузамерзших, полуживых ребят, они вдруг поняли что-то очень важное, чего никогда не сможешь понять, живя напротив Эйфеловой башни и за чем так старательно, но слепо гнались они, уходя из своего дома и играясь с разными планами. И что же я сейчас имею в виду, друзья? Всё очень просто: следует лишь понять, что счастье как раз не в том, чтобы исполнять свои, выстроившиеся в ряд, буквально огромной горой счастья ожидания, а понизить планку своих ожиданий до минимальной, и при этом просто продолжать жить.

Так звезда Фекда светит намного менее ярко и звонко, чем Мегрец, но при том, несмотря ни на что, излучает в разы больше счастья. И чтобы понять это, как и всегда в жизни, следует просто жить. Недавно я стал читать книгу Тони Роббинса «Разбуди в себе исполина». Я долго думал над тем, что прочитал, и даже взгрустнул от того, что все его методы работали лучше чем мои, и, более того, отрицали мои методы, как бы заявляя, что они-единственное лекарство для спасения, по крайней мере именно они объединяют в себе все остальные подходы. Враки! Как раз то, что имеет в виду Тони Роббинс, говоря о настройке своего организма на любое действие, и является следствием преодоления циклов при постоянной работе. Тони не до конца прав как минимум потому, что его

методы могут и не приносить результата, даже если человек начнет их выполнять. Мои же-приносят стопроцентный.

Хотя бы потому, что двигаясь в соответствии именно с моим методом я в итоге достигну успеха. Конечно, книгу Тони тоже полезно почитать, ведь он старше и опытнее меня, но я сейчас говорю о другом: нет в ней ничего такого, что сформировало бы в итоге стадиальное отставание моей теории от его. И как если Магомед не идет к горе, то гора идет к Магомеду, так и с этими ожиданиями. Как минимум, не ожидая ничего, живя в соответствии с постановкой семьи

во главе своих ценностей и продолжая работать, вы сможете достигнуть поистине непоколебимых результатов. Так и Ни свет Ни заря с Женькой, похоже, научившись наконец мыслить прямо, спасли чуть ли не весь город, в котором они приземлились. К тому же, они потратили

на это много энергии, и почти в первые с момента окончания своего детства наконец почувствовали ту силу в голосе, которую испытывает человек, выпив горячего кофе с клубничным сиропом на морозе.

Сидя на перекладине какого-то забора, Луисиан болтал ножками в такт мерному покачиванию запаха цветущей живности, распластавшейся прямо у него за спиной. То были не пионы, не розы, но что-то среднее между

всем этим, что, впрочем, сильно его радовало. Уж не знаю, что нашло на него, но только он понимал, стал наконец понимать, в чем состоит одна из

главных, истинных сил человечества. «Не жалеёй, никогда не жалеёй», -говорила мама маленькому мальчику в самолете, когда его стакан с чаем пролился прямо на кресло. Вот и Луисиан теперь, сидя за маленьким столиком жизни напротив себя, наоконец-то покинул тот

неторжественный и полный безмерного питья бал жизни, который он волей-неволей посещал уже довольно долгое время, в глубине души оплакивая погибшего отца. И уж конечно его горячо любимый, но сильный папа не стал бы весел оттого, что своим уходом доставил неподдельную

горечь сыну. Позади Луисиана, распускаясь, стукались один о другой какие-то вкусные фруктовые плоды. Некоторые получали вмятины, но ничуть не жалели, ведь любая вмятина, как говорила мама тому же сыну, делает человека только лучше, только храбрей.

Глава 21, Мерак

Начинай с главного. Часто в жизни мы не знаем с чего начать, не знаем и как продолжить. «Начинай с главного», -говорю я в таком случае. А уже для того, чтобы уметь определить главное, вы должны пользоваться логикой. А уже для того, чтобы научиться, определив главное, сразу браться за

его выполнение, нужно развить в себе убеждение, что вам действительно нужно сделать действие, которое вы считаете главным. Тони Роббинс пишет: «Нужно заставить себя поверить в свое убеждение». Я говорю: «Главное-честность перед собой. Ищите лишь то убеждение, которое, только появившись в вашей голове, сумеет вас расположить к себе. Именно такое убеждение и сможет перерасти в убежденность, сравнивая результаты с которой, вы сможете свято поверить в действие.

Ни свет Ни заря и Женька продвигались вдаль по пути звезд. Они доплыли до той части Атлантического океана, где их поджидал подгулявший экскурсовод нескоро, ой как нескоро, а всё потому, что не спешили выдвигаться. Сохранив жизни десяткам людей в коста-риканском городе, они долго ещё не могли оставить его в покое на карте своих событий. Так двоечник с теплотой и лаской, лежа в кровати и уже засыпая, вспоминает день, когда получил пятерку по физике. И не то что бы он гордец, но ведь и все мы не праведники, так значит, не нам судить кого бы то ни было. Выходит лишь, что в глазах каждого из нас есть соринки различных размеров. И они, как переменная в информатике, на протяжении жизни могут существенно изменять свои размеры, в произвольном порядке. Не следует нам вообще говорить о чем-либо, только если с нами первыми не вступают в разговор. Бис-

смысленная трата времени. Только вот не вступить в разговор с самими собой мы не можем. Это-неконтролируемая реакция, вот как ложиться спать, когда очень хочется, или бежать назад, если на вас летит опасность. Нужно лишь делать то, что получается делать, не делать того, чего не получается, и брать максимальную пользу от всего, что может встретиться вам на вашем пути к жизни. По возможности нужно не провоцировать людей на споры, но если возникает спор с собой, или вот такое вот розовое лелеяние, как у двоечника, то следует продолжить этот спор и, как очень хороший журналист со второго канала, задавать самому же себе прямые, немного колкие наводящие вопросы. Именно так можно получать максимальную выгоду оттого, что получается не спорить с людьми, но не получается-с собой. Именно так можно получать выгоду от того, что наиболее правильная установка-продолжать работать, а главный результат в жизни, относительно которого все измеряется-семья. И как атомный реактор путается, безусловно путается, когда работает, так и мы, человеческие организмы, часто не понимаем, чего нам делать, но вращаемся в своих замысловатых теориях и всё же не взрываемся, почти никогда не взрываемся, вырабатываем столь нужную для всех нас энергию жизни. Как говорилось в одной до чрезвычайности мудрой книге: «Но! Надо наконец привыкнуть, что ветра, те самые пассаты, муссоны, да и просто цунами или гольфстрим никогда не перестанут полностью двигаться и полностью нам мешать! Нам нужно

наконец взять и научиться жить даже при их действии».

Мерак светил на карте чуть потускневшего, но скорее не от грусти, а от заматерелости, их плана перемещения до Антарктиды, так, что Женьке вдруг показалось: будто бы Мерак нарисован там не просто так, и их явно ждет некий секрет по прибытии к самой звездочке. Хотя бы потому, что это уже конец их поездки. Хотя бы потому, что вчера, в Коста-Рике, спасая людей, они преисполнились в своем сознании и даже повзрослели. А что дает человеку следующий день после его дня рождения? Да, в общем-то, ничего нового, кроме ещё одного рассвета, ещё одного увиденного или пропущенного заката, старения на один день и взятия на себя обязатель-ства, что вместе с этим годом и сам тот человек повзросле-ет. Грубо говоря, мы даем такие обещания, так как у нас не остается выбора, попросту не остается пути назад. Ведь все мы-ракеты, и не станет ракета после отделения уже послед-ней ступени брать и разворачиваться домой. Все мы-ракеты. Дело лишь в том, что мы летим на разных скоростях, но на одном топливе. Экскурсовод тоже решил блеснуть и как-то проявить себя. Ребята поехали не в Бразилию, не в Уругвай и не в Аргентину, как могло бы показаться тем, кто уже изу-чил карту. Нет, хоть Мерак и должен был располагаться где-то там, в этой области, он всё же не расположился. И виной сему то, что экскурсовод повез их в совершенно другом на-правлении. Так матерый, уже немного седой учитель отходит

от школьных правил, чтобы дать понять детям что-то более важное, чем то, что у них уже есть. Ведь и учитель порой говорит: «Дети, сегодня мы напишем абсолютно тот же диктант второй раз и, несмотря на то, что вы все его уже выучили, я вам поставлю за него оценки. Порою ваши знания мне дороже, чем ваши оценки. Порою-почти всегда». И Экскурсовод отвез их в общем-то в довольно обычное, ничем не примечательное место. Там было около двадцати градусов тепла, очень тихо, спокойно, темно. Где-то там, довольно-таки сбоку, маячила какая-нибудь Гвинея, Габон или Нигерия. До земли в обе стороны было, пожалуй, чуть меньше тысячи километров. То было довольно приятное, как будто бы ещё неизведанное, а значит полное нетронутой энергии место, где, казалось, сами рыбки на дне океана говорили друг с другом ещё на латыни и обязательно носили головной убор или набедренную повязку.

-«Начинай с главного». Ты всё правильно сказал, Женька.

-И не совсем всё плохо сейчас, как вам, наверное, кажется, глядя на все припевания и пританцовывания вокруг бубна старшего поколения в мольбах вылечить своё потомство. Дело лишь в том, что вы и правда другие. Но вы всё ещё можете стать теми, кем бы вы, в общем-то ни захотели стать. Таков уж закон природы, и даже в древние времена, когда плевым делом было разделать тушу тигра, люди могли вы-

бирать: начинать с головы или хвоста. Так и сейчас. Вы часто ищете для себя проблемы. Вы ищете для себя проблемы скорее даже не тем, что ведете себя по-глупому и постоянно рискуете, о, нет! И это, конечно, тоже, но так делали все, и мы в частности, так что это скорее польза. Но вы лишь начинаете либо слишком много, либо слишком мало анализировать. Вы-другие, но вы тоже умны. И, безусловно, вас ждет великое будущее! Но прежде чем вы станете в силах его достичь, вам предстоит ещё многому научиться, например тому, как управлять собой. И именно в этом знании мы, старшее поколение, вам подскажем. Необходимо лишь жить в содружестве со старшими и по возможности понимать их. Необходимо начинать с главного, но ещё более важно понимать людей. И со времен первобытной общины пошло так, что без диалога, без хотя бы каменного письма на стене не будет ни одного плавного и удостоенного чести закона, правила. Так значит-достаточно важное качество во все времена-взаимоотношения с людьми. И именно потому, что сейчас стерлись грани между общением и не общением, а так, перкличкой двух людей, мы начинаем путаться. Ведь человек вовсе не поменялся. Он до сих пор остался тем первобытным человеком с горой бананов вместо мозга. И ему свойственно путаться. Для того, чтобы вернуться к истинному, правильному пути развития общения, нужно либо сойти на предыдущую ступень, либо стать достаточно сильными для этой. И, как показывает практика, эволюция в итоге-всегда два в од-

ном. Так значит, можно выбрать любой вариант, и лишь развивать его, и тогда он окажется правильным. Проще сейчас выбрать вариант, связанный с уже известным нам действием: большим количеством живого общения. Почему? Хотя бы потому, что над нашей планетой нависла угроза ядерного истребления и ещё тысячи подобного рода странных, несурьезных, нелогичных угроз. Это всё равно, что дать ребенку в руки пульт от адронного коолайдера. Да, конечно, будет толк, и он в итоге разовьется. Этот малыш научиться передвигать в дестком садике кубики быстрее, а каша на вкус ему покажется слаще, а жизнь-ярче. Но велика вероятность так же того, что он и вовсе потеряет вкус к каше жизни. Человечество рассматривает революционный подход к развитию. Оно сначала создает изменения, задействуя для этого совсем малую часть своего мозга-кучку ученых, а после уже пробует дотянуть до уровня этого изменения весь остальной мир. Такой подход приводит к увеличению скорости, но так же и к большим рискам. Точно так же прыгнуть в яму и сказать: «Да, глубока!» Вместо того, чтобы стоять и ждать, как тот мудрый ковбой слева, когда достроят прочный мост. Вот увидите, ученые ещё докажут существование Бога. Пройдя через все риски и умерев, они докажут существование Бога. Такова уж их натура. Так стоит ли рисковать и торопиться? Для каждого существует разный ответ на этот вопрос. Но хотя бы для того, чтобы подольше пожить и перенять опыт предыдущего поколения, следует пожить в их реальности.

Уже потом, имея полную картину, делать свои выводы. Тише едешь-дальше будешь. Мало удалиться из соц-сетей. Ты можешь удалить себя из соц-сетей. Но этого будет недостаточно. Изменения произойдет лишь тогда, когда соц-сети наконец удалятся из тебя. Иначе-бесполезно. Пока ты, Ни свет Ни заря, полностью не очистишься от своего предыдущего этапа жизни, вряд ли ты обретишь спокойствие в новом. Но никто и не говорил, что ты приобретешь очищение мгновенно. Да, будет сложно. Но в этом жизнь. Так и Мерак, являясь предпоследней звездой в созвездии, всё ещё не образует Большой медведицы. Он не печалится. Он ждет того момента, когда кто-нибудь вроде тебя, посмотрит на него в обратную сторону, зеркально, и всё встанет на свои места. Он терпит. Главный урок-терпение. И самый смак, самый сок в том, что, если надо ещё поработать, ты встанешь и пойдешь.

Вот и Ни свет Ни заря сейчас встала, словно наконец доев дуриан своей прошлой жизни, и перестала мечтать. Она вновь заварила себе Доминиканский кофе в это погожее посленовогоднее утро, позвонила своему брату Женьке в Иркутск, поздравила его с наступившим. После удалилась из инстаграмма и пошла на базар-купить себе птичку. Проходя по одной из мощеных улочек Франции, она встретила вдруг человека, того, Деда Мороза, который как-то странно на неё

смотрел. Он как будто ждал от неё действий. Так учитель стоит у доски, когда его ученик решает уравнение. И Ни свет Ни заря совершила те действия, которых от неё ждали. Она подошла к чужезванцу, дернула этак за бороду его три раза, и послала великим и могучим русским языком. После дала пинка! Вот! Вот так надо действовать со всеми нашими неприятностями, которые норовят нас утопить. И вновь засияло Солнце. Порой нужно много времени для того, чтобы двинуться с места. Так значит, вы сдвигаете действительно большой груз. Своего попугайчика Ни свет Ни заря назвала Луисианом. Он тихо пел и почему-то постоянно летал на рынок. Но хозяйка понимала, что каждому нужен покой и не прекословила. Она вовсе теперь потеряла способность к грусти. Что ж, и это был первый правильный поступок Ни свет Ни зари в новом году. Она поливала флоксы...

Глава 22, Дубхе

Мерное покачивание тихих южных волн не давало покоя разбушевавшемуся за ночь воображению Женьки. Он столько всего переслушал, да и просто, столько всего произошло в его жизни, что не могло и быть иначе. Как вы уже заметили, намного легче объяснять всю суть через что-то одно, плавно переходящее в другое. Для меня сейчас это метафоры. И если вдруг ты найдешь такую метафору к жизни, которая поможет тебе осознать всё, буквально перевернуть всё, то

твоя жизнь станет в разы лучше. Зачастую такой метафорой и является гениальная идея, которую в своей голове вдруг находит один нерадивый ученый. И весь мир начинает его признавать. Сегодня в ночь, всё больше слушая, но иногда и сам вставляя свои пять копеек в разговор, Женька нашел для себя такую метафору. «Что же это за метафора?»-спросите меня вы. Что ж, я заранее договорился в первую очередь с самим собой, что не стану вам её называть. И дело не в том, что я её еще пока что не придумал, и не в том, что она вам не поможет, хотя, конечно, отчасти и в этом. Но скорее в том, что у каждого должна быть своя такая метафора. И Женька наконец-то нашел её. Ни свет Ни заря же и подавно встрети-лась с Луисианом. Лодка плыла по течению, все глубже и глубже продвигаясь в почти неизведанные воды, где, ка-залось, в каждую секунду могло случится какое-нибудь про-исшествие и где их вовсе могла съесть пучина. Но, как уже было подмечено мной в прошлой главе-важны, чрезвычайно важны в это мире человеческие связи. Жемчуг может расти в одиночку. Более того, именно из таких, немного чудакова-тых и отдаленных от реальности жемчужин и вырастают на-стоящие гиганты, красавцы и масетра своего дела. Но ведь и их, не найди они себе верную стаю акул, которая возьмет за обычай пастись около их изголовий весь туристический се-зон, любую такую, даже очень крупную жемчужину всё рав-но нет-нет, да сорвут и вытащат на поверхность. А не того, уж точно не того хочет любая жемчужина, когда стремится

вырасти и создать целое государство Жемчуга.

Вчера ночью они потеряли уже всякую веру в помощь, а в это время на вертолете за ними прилетел Луисиан. Он до конца послушал все свои изречения, возникшие в голове, полной смирения, и наконец решил, кем он хочет быть-спасателем. Он почти сразу же купил билеты до уже так полюбившейся нам, да и ему тоже, Коста-Рики, а там на небольшом вертолетике долетел и до своего ранчо, из которого и отправился на свой первый, почти что учебный рейс. Просто на яхте Экскурсовода, всё же нанятой за большие деньги, к тому же, прибывшей все-таки не абы откуда, а с самих Бермудов, стоял трекер, и если бы с лодкой что-то случилось, трекер сразу подал бы сигнал. Случилось. Повезло, что в это время на юге Аргентины оказался один ушлый вертолётчик, прибывший туда по случайности. К слову, в последний раз вертолет был там около года назад, когда прилетали смотреть сияние. А уже после дело стало за техникой. Через спутник сигнал передан сразу в департамент спасения и различные морские службы. Конечно, ближайший к ним корабль сейчас только-только огибал мыс Доброй надежды. Но вот Луисиан-то был тут как тут. Конечно, в спасательной части на юге Аргентины в ночь на дежурстве были полторы калеки, да и те-бабушки предпенсионного возраста. Вот и вышло, что Луисиан, как водится в самых бравых фильмах взял, и, несмотря ни на какие предупреждения один, в буран, из-за

которого лодка и дала трещину, отправился героям на помощь. Кто же знал, что там окажется не обычный и никому не знакомый, неизвестный человек, а, можно сказать, его вторая мама? Ну, или папа. В мире воображений одно может заменяться другим или двумя в одном сразу. Так Луисиан нашел своего отца, которого ещё день назад, казалось, полностью похоронил в своей памяти под остатками Сицилии. Но не бывает в мире всё же полного хеппи энда, и приходится мириться и нам с его основными правилами. Вышло так, что в итоге и сам Луисиан, вместе со своим отцом отправился куда-то далеко-далеко, наверное, в космос. Дело в том, что Ни свет Ни заря наконец-то смогла пересилить свое небылое существование. Она как будто справилась с тем смирением, что гложило её последние этак несколько десятиков лет. Она будто смогла наконец удалить из себя социальные сети. Телефоны, которыми пользовались Ни свет Ни заря и Женька для того, чтобы звонить с капитану корабля, они выкинули здесь же. Наступила, казалось, совершенно новая эра для них, чьи лики и взоры то и дело увертливо скатывались по стеклу, словно пальцы очень усердного, но немного глупого ребенка. И Луисиан, прежде чем исчезнуть, успел-таки довести их до Антарктиды, а точнее, до того слоя вечного льда, который начинается ещё на её подступах. Там Ни свет Ни заря и Женька почти что сразу чертовски замерзли, но успели всё же насладиться красотой, которую невольно ощущаешь, всеми фибрами своей души, всеми своими легкими, начиная

вдыхать невероятную белизну мороза, что, как злой котик, хочет лапками исцарапать тебя, но царапает, царапает, и всё же не может особенно поцарапать. Вокруг тебя будто из свежего Итальянского чая налилась оболочка из чего-то невидимого, что, как осознание твоей полной очищенности, закрывает и защищает тебя от всего-всего в этом мире. А потом наступает свет.

Ни свет Ни заря, конечно, снова проснулась. Она ведь не спала всю предыдущую ночь, и даже Доминиканский кофе не мог в полной мере вытравить из её души то, что обычно навеивает просмотренная до дыр оскуневшая картина. Она снова проснулась и снова позвонила Женьке, чтобы убедиться, что всё это только сон и что абсолютно нормально её, хоть и не совсем нормальное по всей логике поведение. Что абсолютно нормально для женщины в самом соку вдруг ни с того ни с сего взять и поехать куданибудь туда, в Италию, чтобы покрасоваться и самой поглазеть на красивый закат.

А потому уже часа через четыре, максимум, пять, как это любит происходить в моих книгах, она уже сидела ны крыше маленького сицилийского домика и начинала свой разговор о вечности с домами, что окружали её и без того подтянутую сущность разными ухищрениями: резными фасадами, длинными шпилями новых южных надежд, башнями и маяками

неизведанного.. Она сидела наверху и болтала своими маленькими ножками. В одной её руке, как у древнегреческой статуи, находилась красивая белая тарелочка с желтой каемкой, из которой, чуть ли не высыпаясь, до краев положенный, выглядывал виноград любви к миру. Во второй её руке был стакан с обычной негазированной водой. Она сидела и смотрела вдаль, и больше ничего ей не надо было для того, чтобы ощущать себя счастливой. Так человек, который опоздал на самый важный рейс в своей жизни вдруг понимает, что счастье-вот оно. Просто напросто сидеть на остановочке времени. И пусть сейчас не лето, не Италия, и уж тем более не Сицилия, даже в том, хотя бы в том волшебном утреннем звоне будильника, когда всё живое ещё спит, можно найти уйму завораживающего. Хотя бы потому, что именно этот звон, а не наличие желаемого, просто берет и делает из вашего посоха жизни трон императора. Вода в стакане хоть и заканчивается, но от того на душе становится только приятнее. Как человек, который только что прекратил ворочать какую-то довольно неприятную, болезную для него и уже довольно старую и забытую тему, так и Ни свет Ни заря, оглядываясь назад, на место, откуда она приехала, понимала, что её потенциал на теперь закончен и следует начать новый, абсолютно немислимый доселе потенциал. Она сидела и камышом света тыкала в свой несозревший зимний побег добра. За счет её усилий он поспевал. И ей надо было придумать что-то новое, вот она и старалась всячески пересилить необразован-

ность и несовершенство, после всего-всего, и найти-таки в себе силы, чтобы придумать что-то ещё более гениальное и более новое. Внизу старик, везя свой воз со сладостями, прошел лишь половину маленького подъема за четыре с половиной часа. Начал накрапывать дождь. Ни свет Ни заря понимала: прошло только два месяца этого года. Осталось ещё десять. Ещё десять штук, ещё десять месяцев лазурных надежд и десять месяцев разных странствий. Сколько ещё раз можно будет встретиться при Луне со своим отражением и посморгнуть в лицо седоглазому старику озеру? Бесчисленное! И Ни свет Ни заря, собираясь с мыслями, доедая-таки последнюю виноградинку, продолжала жить. В небе происходила великая картина забытого мною художника: Восход Луны и Заход Солнца. «Ты за Луну или за Солнце?», -спрашивала сама себя Ни свет Ни заря. И понимала, всеми клеточками своих подкрашенных в светлый развевающихся на ветру волос понимала: за Луну. Теперь за Луну. И жизнь, её и без того прекрасная жинзь, словно жизнь монаха, который продал свой Феррари, улучшалась.

Ни свет ни заря не стала больше тянуть и так столь затянувшуюся книгу. Она думала, похоже, о том, где бы ей без телефона и вообще без всего достать очень ценную информацию. А именно: где бы конкретно ей найти такое место, где можно было бы стать самой настоящей итальянской пожарницей? Удача сопутствует тем, кто только лишь встал

на свой истинный путь. А потому, конечно, такое место для неё сразу нашлось. Что ж, и не очень плохим для неё вышло оно, это место. Так и с нами друзья, так и с нами. В век, когда вся суть интернет-технологий переросла в то, что называется словом вечность, мы уже не можем отличить плохой уровень жизни от хорошего. И дело лишь в том, что чаще именно хороший уровень жизни у нас связывается с плохим, чем плохой-с хорошим. Именно для перерождения вашего взгляда следует удалить все странички соц-сетей, хотя бы на недельку, и просто попробовать пожить так. Без все-го. Начав задумываться, насколько же много мы преодолели с начала нашего бытия, мы поймем и настоящий вкус жизни. Так и фонарь светит нам в окно, словно высшие силы.. Счастье.

Тресковое величие залезло на карниз.
Сидит, глазами хлопает, да ножки свесив вниз.
И ничего не нужно ей. И никакой каприз
Не сделает счастливее.
Пожалуй только бриз,
Если подует с моря, да с заграничных виз.

Тресковое величие залезло на карниз.
И роль свою играет красивой всех актрис;
«•Закат нам всем послужит подобием кулис...•»

А высоко есть облачко. Фигура, точно лис.

...

Глядит себе, мечтает, зовут ее Азис -

Тресковое величие залезло на карниз.